

УДК 94(436+438+470+477+478);31;35;39;325.1;342.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/4

Александр Фёдорович Риттих (1831–1915) – жизнь и труды русского генерала, славянофила и его исследования Карпатской Руси

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Александр Фёдорович (Александр-Пётр Фридрихович) Риттих (23 июня 1831 г., Санкт-Петербург – 22 июня 1915 г., Царское Село) – генерал-лейтенант Русской императорской армии картограф, этнограф, военный теоретик, военный историк, геополитик, публицист, славянофил. На военной службе с 1846 г. Закончил Главное инженерное училище и офицерский класс при нём. Автор многочисленных работ по картографии, этнографии, геополитике, истории славян, военному делу, военной истории, статистике. Его наиболее известные исследования: «Этнографическая карта славянских народностей» (СПб., 1874), «Этнографическая карта Европейской России» (СПб., 1875), «Славянский мир» (Варшава, 1885), «Материалы для этнографии Царства Польского. Люблинская и Августовская губернии» (СПб., 1864), «Материалы для этнографии России. Казанская губерния» (Казань, 1870), «Материалы для этнографии России. Прибалтийский край» (СПб., 1875), «Австро-Венгрия, общая статистика» (СПб., 1874), «Числовое отношение полов в России» (Харьков, 1879), «Переселения» (Харьков, 1882), «Чехия и чехи» (СПб., 1897), «Восточный вопрос» (СПб., 1898), «Четыре лекции по русской этнографии» (СПб., 1895). Помимо этого, он печатался во многих журналах и газетах («Голос», «Новое время», «Свет», «Русь», «Славянские известия» и др.). В ряде своих работ он касался истории Карпатской Руси и её населения. Многие труды А. Риттиха не потеряли своего значения и в наши дни.

Ключевые слова: Александр Риттих, картография, славяне, русские, Карпатская Русь, Галичина, Буковина, Бессарабия, Холмщина, Подляшье

Aleksandr F. Rittikh (1831–1915) – the life and works of a Russian general, Slavophile, and his research on Carpathian Rus’

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Aleksandr Fyodorovich (Alexander-Peter Friedrichovich) Rittikh (June 23, 1831, St. Petersburg – June 22, 1915, Tsarskoye Selo) was a Lieutenant General in the Russian Imperial Army, cartographer, ethnographer, military theorist, military historian, geopolitician, publicist, and Slavophile. He began his military service in 1846, graduating from the Main Engineering School and its officer classes. Rittikh authored numerous works on cartography, ethnography, geopolitics, Slavic history, military affairs, military history, and statistics. His most notable studies include: *Ethnographic Map of Slavic Peoples* (St. Petersburg, 1874), *Ethnographic Map of European Russia* (St. Petersburg, 1875), *The Slavic World* (Warsaw, 1885), *Materials for the Ethnography of the Kingdom of Poland: Lublin and Augustów Provinces* (St. Petersburg, 1864), *Materials for the Ethnography of Russia: Kazan Province* (Kazan, 1870), *Materials for the Ethnography of Russia: Baltic Region* (St. Petersburg, 1875), *Austria-Hungary: General Statistics* (St. Petersburg, 1874), *Numerical Ratio of the Sexes in Russia* (Kharkov, 1879), *Migrations* (Kharkov, 1882), *Bohemia and the Czechs* (St. Petersburg, 1897), *The Eastern Question* (St. Petersburg, 1898), *Four Lectures on Russian Ethnography* (St. Petersburg, 1895). In addition, he contributed to many journals and newspapers, such as *Golos*, *Novoye Vremya*, *Svet*, *Rus*, *Slavyanskiye Izvestiya*, and others. In several of his works, he addressed the history of Carpathian Rus’ and its population. Many of Rittikh’s works remain relevant to this day.

Keywords: Aleksandr F. Rittikh, cartography, Slavs, Russians, Carpathian Rus’, Galicia, Bukovina, Bessarabia, Chełm region, Podlasie

Александр Фёдорович Риттих (1831–1915) – видный российский военный деятель, генерал-лейтенант Российской императорской армии, известный учёный, картограф, этнограф, военный теоретик, военный историк, геополитик, публицист. Был активным участником славянофильского движения, сочетал успешную военную карьеру с глубоким интересом к изучению славянских народов. В ряде его

научных трудов поднималась тема Карпатской Руси и её коренного населения.

В данной статье представлен обзор жизни, военной карьеры, основных научных трудов Александра Риттиха, в т.ч. работ, затрагивающих историю Карпатской Руси и её населения, его вклада в этнографию и картографию славянского мира, его исследований по геополитике.

Александр Риттих родился 23 июня 1831 г., происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии, по вероисповеданию – лютеранин. Его отец Христиан Фридрих (Фёдор Фёдорович) фон Риттих (1791–1856), выходец из лифляндского дворянского рода, родился в Риге. Был действительным статским советником (30 июня 1846 г.), доктором медицины, гофмедиком, врачом канцелярии обер-прокурора Святейшего правительствующего Синода, состоял при Строительном департаменте Морского министерства. Кавалер четырёх орденов: Св. Владимира 4-й ст. (1826), Св. Анны 3-й ст. (1824), Св. Анны 2-й ст. (1853), Св. Станислава 2-й ст. с императорской короной (1839). Действительный статский советник Ф.Ф. Риттих был жалован дипломом на потомственное дворянское достоинство. Мать – Элеонора Риттих (?–1872, в девичестве – фон Таубе). Обвенчаны с Христианом Фридрихом в 1822 г. У Александра было четыре брата (Николай Роберт (Роман), Оскар, Бартоломей Вальдемар (Владимир), Константин) и сестра (Отилия (Олимпия))¹ [1: 541; 4; 8: 194–195; 19: 844; 53].

20 февраля 1869 г. роду Риттихов был пожалован герб с блазоном: «В лазуревом щите три золотые шестиконечные звезды – две и одна. Над щитом дворянский коронованный шлем. Нашлемник: лазуревое орлиное крыло, на нём золотая шестиконечная звезда. Намёт лазуревый с золотом». Он был внесён за № 31 в 12-ю часть «Сборника дипломных гербов российского дворянства, не внесённых в Общий гербовник» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 1483. Дело Департамента герольдии правительствующего Сената о гербе Риттиха от 29 сентября 1864 г.).

Военную службу А. Риттих начал в 1846 г. В 1851 г. закончил Главное инженерное училище. С 8 августа 1850 г. – прапорщик. С 20 июля 1852 г. – подпоручик. В 1853 г. обучался в офицерском классе Главного инженерного училища (ГИУ). По окончании 30 июля 1853 г. присвоено звание поручик (см. в Приложении [9: 119]). Начал службу в рижской инженерной команде. В 1854–1855 гг. участвовал в Крымской войне. В 1854 г. находился в составе войск, охранявших берега Лифляндии и Курляндии. С 1855 г. был офицером для особых поручений при командующем войсками в Лифляндии. В 1856–1858 гг. учился в Николаевской академии Генерального штаба. С 1 января 1859 г. – штабс-капитан. С 1 января 1860 г. – капитан. В 1862–1864 гг.

А.Ф. Риттих. 1901 г.

во время наблюдения в Минской губернии за постройкой и ремонтом православных церквей открыл приблизительно 30 народных школ. С 17 апреля 1863 г. – подполковник. Принимал участие в подавлении польского мятежа 1863–1864 гг. В 1863 г. причислен к Генеральному штабу. С 21 августа 1864 г. – начальник штаба 37-й пехотной дивизии. С 27 марта 1866 г. – полковник и начальник штаба 22-й пехотной дивизии. С 26 июня

1868 г. – начальник штаба местных войск Казанского военного округа. С 10 июня 1869 г. – начальник штаба 2-й пехотной дивизии. В 1865–1868 гг. по Высочайшему повелению наблюдал за рекрутскими наборами в Казанской, Саратовской и Новгородской губерниях. 1 октября 1869 г. назначен командиром 158-го пехотного Кутаисского полка. С 21 марта 1871 г. по 8 марта 1872 г. состоял при Генеральном штабе без должности, затем – при Главном штабе для письменных занятий [4; 8: 196; 14; 40: 223; 41: 325].

С 5 мая 1873 г. служил делопроизводителем канцелярии Военно-учёного комитета Главного штаба. С 28 октября 1876 г. – помощник начальника штаба Харьковского военного округа. 1 января 1878 г. произведён в генерал-майоры «за отличие по службе». Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заведовал перевозкой раненых и больных с театра военных действий. С 11 сентября 1880 г. состоял для особых поручений при командующем войсками Харьковского военного округа. С 17 сентября 1883 по 20 июня 1884 г. был ещё и председателем войсковой хозяйственной комиссии по постройке казарм в Кременчуге. 25 июля 1884 г. назначен командиром 2-й бригады 10-й пехотной дивизии. 15 мая 1885 г. назначен начальником Варшавского Уяздовского военного госпиталя с оставлением в прежней должности. 28 января 1889 г. стал

командиром 2-й бригады 3-й пехотной дивизии, 20 февраля 1889 г. – командиром 1-й бригады 2-й гренадёрской дивизии. 27 мая 1891 г. – командующим 35-й пехотной дивизией. 30 августа 1891 г. произведён в генерал-лейтенанты «за отличие по службе» с утверждением начальником 35-й пехотной дивизии. 31 октября 1891 г. зачислен в списки Генерального штаба. 14 мая 1894 г. уволен в отставку с мундиром и пенсией [1: 541; 3; 4; 8: 196; 14; 40: 223; 41: 325].

За годы службы был награждён орденами Св. Анны 4-й ст. (1855), Св. Анны 3-й ст. (1861), Св. Анны 2-й ст. (1867), Св. Владимира 4-й ст. (1870), Св. Владимира 3-й ст. (1875), Св. Станислава 1-й ст. (1880), Св. Анны 1-й ст. (1884), Св. Владимира 2-й ст. (1887), а также прусским орденом Красного Орла 2-й ст. (1875) и болгарской медалью за науки и искусства (1886) [4; 41: 325].

А. Риттих был дважды женат. Первый брак – с Анной Карловной Поггенполь (1839–?). Её отец Карл Фёдорович Поггенполь (1801–1846) был полковником лейб-гвардии Уланского (к сожалению, неизвестно, какого из двух. – С.С.) полка. В браке Анной – две дочери: Ольга (1860–1950, в замужестве – Завалишина, после революции эмигрировала во Францию, похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа), Клеопатра (1863–1931, в замужестве Курченинова, умерла в эмиграции, похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа). Второй брак – с Анной Павловной Кузнецовой (1842(43?)–1875), дочерью новгородского потомственного почётного гражданина, купца первой гильдии Павла Михайловича Кузнецова. Венчание состоялось в Новгородском Софийском кафедральном соборе 2 июня 1867 г. От неё у него были сыновья Александр (1868–1930, сенатор с 1916 г., министр земледелия с 12.01.1917 г., умер в эмиграции в Лондоне), Фёдор (1871–1923, генерал-майор, умер в эмиграции в Мюнхене) и Пётр (1874–1936, военный востоковед, исследователь Персии, Персидского Белуджистана и Афганистана, в 1935 г. сослан из Ленинграда в Казань на 5 лет, был лишён пенсии, попал в клинику с психическим расстройством)² [1: 541; 4; 8: 196–197; 53].

Умер А. Риттих 22 июня 1915 г. в Царском Селе «от миокардита, хронического воспаления лёгких». Похоронен на Волковом немецком (лютеранском) кладбище в Петрограде [3; 4]. Газета «Славянские известия» в некрологе писала: «Среди лиц, близко знавших покойного и с ним работавших, он оставил о себе светлую память, как неутомимый, весьма сведущий работник и прекрасной души человек» [3].

Риттиху принадлежат многочисленные работы по картографии, этнографии, в т. ч. этнографические карты, истории славян, военным вопросам, военной истории, геополитике, статистике, не утратившие актуальности и сегодня. Многочисленные статьи на различные темы,

21

Свидетельство

Дано же в том, что купец —
 Кузнецов, жена купцов Кузнецовых
 покойная гражданка 15 июля купца,
 дожила по супружеству в брак дочери
 своей Анны Павловны Кузнецовой,
 в том, что она имеет наследственную
 часть от мужа, что в документах
 подлинно имеет — 4 мая 1867 года.
 в Петербурге.

Вдова Потомственная Почётная Гражданка
 Евдокия Никитична Кузнецова

Свидетельство вдовы новгородского потомственного почётного гражданина Кузнецовой Евдокии Никитичны о согласии на вступление дочери Анны в брак с полковником Генерального штаба Риттихом Александром Фёдоровичем. 04.05.1867 г. // НГМ (Новгородский государственный музей) КП (Книга поступлений) 25982/5341. Ф. 69. Коллекция брачных документов. Оп. 1. Документальные материалы. Ед. хр. 32. Л. 32. ГК (Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации) 41327184

21

Дану 15 мая 1867. Новг. 15 мая.

114

Начальнику 22-й пехотной дивизии.

Начальника Штаба 22-й пехотной дивизии.

Репорт

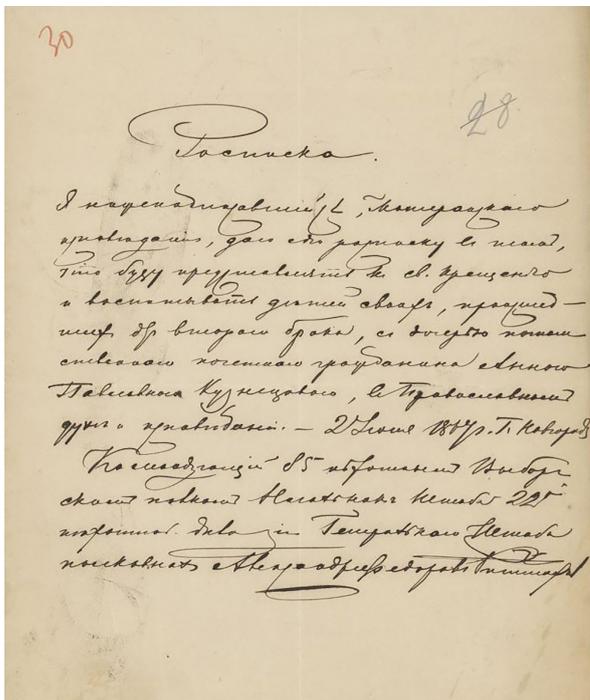
Желаю вступить во второй законный брак с дочерью гражданского Новгородского Почётного Гражданина Анны Павловны Кузнецовой, германскому на мне разрешению Великого Присовокупительству.

Примечание: Виртуозовский? // в том, что имеет и подлинно, неслучаясь с тем, чтобы вступить со мной во брак и родителю моему в согласии на то.

Полковник Штаба, Николай Фёдорович Риттих

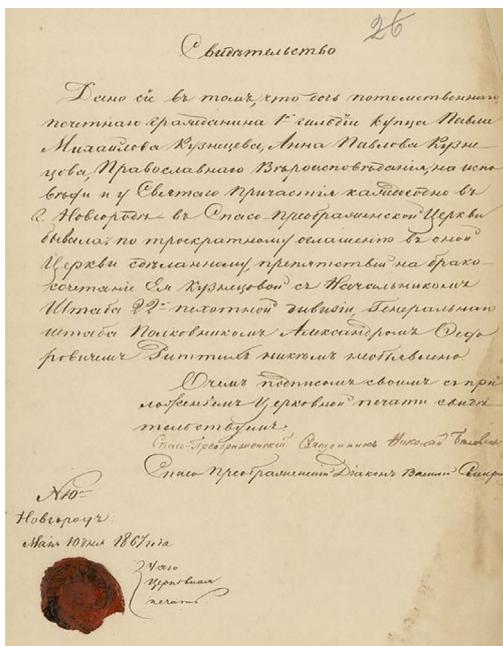
15 мая 1867.
 9 ноября.

Репорт начальника штаба 22-й пехотной дивизии полковника Риттиха начальнику дивизии о разрешении вступить во второй брак с дочерью умершего новгородского почётного гражданина Кузнецовой А.П. 15.05.1867 г. // НГМ КП 25982/5335. Ф. 69. Коллекция брачных документов. Оп. 1. Документальные материалы. Ед. хр. 35. Л. 32. Л. 27. ГК 41327182

Расписка командующего 85-м пехотным Выборгским полком, начальника штаба 22-й пехотной дивизии полковника Генерального штаба Риттиха Александра Фёдоровича с общением крестить и воспитывать в православии будущих детей от второго брака с дочерью новгородского потомственного почётного гражданина Кузнецовой Анной Павловной. 02.06.1867 г. // НГМ КП 25982/5339. Ф. 69. Коллекция брачных документов. Оп. 1. Документальные материалы. Ед. хр. 37. Л. 30. ГК 41327169

Свидетельство № 10 причта Новгородской Спасо-Преображенской церкви, выданное дочери новгородского потомственного почётного гражданина, купца 1-й гильдии Кузнецовой А.П. для вступления в брак с начальником штаба 22-й пехотной дивизии полковником Риттихом А.Ф. 10.05.1867 г. // НГМ КП 25982/5337. Ф. 69. Коллекция брачных документов. Оп. 1. Документальные материалы. Ед. хр. 34. Л. 29. ГК 41327108

в т. ч. и по геополитике, печатались в «Голосе» (в 1876 г. – статьи о сербско-турецкой войне), «Новом времени», «Свете», «Руси», «Славянских известиях» и других газетах, и журналах. Он публиковался в т. ч. и под псевдонимами А. Р., А. Ф. Р. Литературной деятельностью А. Риттих занимался до последних дней своей жизни. Его наиболее значимые труды: «Этнографическая карта славянских народностей» (СПб., 1874), «Этнографическая карта Европейской России» (СПб., 1875), «Этнографическая карта Кавказа» (СПб., 1875), «Славянский мир» (Варшава, 1885), «Материалы для этнографии Царства Польского. Люблинская и Августовская губернии» (СПб., 1864), «Материалы для этнографии России. Казанская губерния» (Казань, 1870), «Материалы для этнографии России. Прибалтийский край» (СПб., 1875), «Австро-Венгрия, общая статистика» (СПб., 1874), «Aperçu général des travaux ethnographiques en Russie pendant les trente dernières années» (Харьков, 1878), «Числовое отношение полов в России» (Харьков, 1879), «Этнографический очерк Харьковской губернии» (Харьков, 1879), «Переселения» (Харьков, 1882), «Еврейский вопрос в Харькове» (Харьков, 1882), «Ce que vaut la Russie pour la France» (Париж, 1887), «Русский военный быт» (СПб., 1893), «Четыре лекции по русской этнографии» (СПб., 1895)+, «Русская торговля и мореходство на Балтийском море» (СПб., 1896), «Славяне на Варяжском море» (СПб., 1897), «Чехия и чехи» (СПб., 1897), «Современные дворянские вопросы» (СПб., 1897), «Славяно-французский конгресс в Париже в 1900 г.» (СПб., 1899), «Восточный вопрос» (СПб., 1898). А. Риттих также читал лекции по русской этнографии. По своим убеждениям был славянофилом и русским патриотом. Принимал активное участие в деятельности Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, в 1910 г. был избран его почётным членом. Являлся действительным членом Императорского Русского географического общества, Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Императорского Вольного экономического общества, Харьковского статистического комитета, Общества естествоиспытателей при Казанском университете (с 1869 г.) [3; 6: 956; 10: 404; 14; 36].

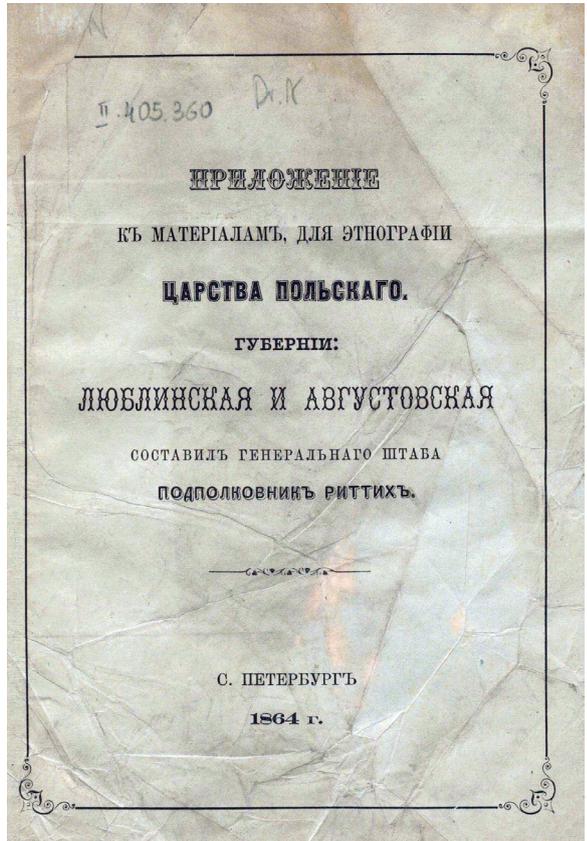
О некоторых наиболее значимых, на наш взгляд, трудах А. Риттиха расскажем подробнее. Будучи в 1862–1864 гг. в Минской губернии, Генерального штаба подполковник А. Риттих под руководством действительного статского советника П.Н. Батюшкова составил свою первую картографическую работу. П. Батюшков в то время занимал пост вице-директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве внутренних дел и заведовал устройством православных храмов в западных губерниях. Составление атласа

было начато в 1859 г. А. Риттих обработал сведения по исповеданию населения девяти губерний (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской), собранные офицерами Генерального штаба, направленными в губернии по поручению Военного министерства и Министерства внутренних дел. В 1863 г. вышел **«Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданиям»**. Он был «составлен при Министерстве внутренних дел в Канцелярии заведывающего устройством православных церквей в западных губерниях» и вначале предназначался для служебного пользования. Атлас вышел в разгар польского восстания. В 1864 г. было выпущено его второе, исправленное и дополненное издание [8: 198; 13: 223; 17; 18; 40: 223].

В «Атласе», помимо «синхронистической таблицы древних княжеств западно-русского края», помещена общая карта народонаселения западно-русского края по вероисповеданиям и девять карт по исповеданию отдельных губерний масштаба 1 : 630 000 с приложениями. На картах губернии наносимым вручную цветным фоном выделено население православного, католического, протестантского и мусульманского вероисповеданий. Подчёркиванием показаны населённые пункты, где проживает «еврейское население по обществам». В приложениях к картам губерний приведена численность прихожан по статьям по каждой церкви и приходу. А. Риттих показал, что большинство населения в данных губерниях составляют русские и православные: «Всех жителей в 9 западных губерниях числится 10 659 712 душ обоёго пола. Из этого числа: православных 62,56 %, римско-католиков 24,7 %, иудеев 11,07 %, старообрядцев 0,98 %, протестантов 0,62 %, магометан 0,06 %. Племенная градация представляется в следующем виде: русских 67,2 %, евреев 11,07 %, поляков 8,86 %, литовцев 6,01 %, жмуди 4,29 %, латышей 1,75 %, молдаван 0,39 %, немцев 0,32 % и татар 0,06 %» [8: 198; 13: 223; 17; 18; 40: 223]. За «Атлас населения западно-русского края по исповеданиям» А. Риттиху в 1858 г. была присуждена малая золотая медаль Императорского Русского географического общества [5: 164; 7: 1363].

Следующая работа в области этнической картографии была посвящена восточным регионам Царств Польского. Над этнографической картой Люблинской и Августовской губерний исследователь работал параллельно с «Атласом народонаселения западно-русского края по исповеданиям». В 1864 г. вышли карты народонаселения губерний по исповеданиям и племенам со статистическими таблицами (**«Материалы для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская»** [25] и **«Приложение к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская»** [34]). В

«Отделе религиозном» приложения А. Риттих приводит численность римско-католических, греко-униатских, православных, лютеранских и реформаторских приходов губерний по уездам и населённым пунктам, раскольничьих молелен, количество иудеев и магометан. В «Отделе этнографическом» он описывает население губерний (подробнее см. далее). Источниками исследования послужили (изданные и неизданные) работы: Военно-статистические обзоры губерний, сделанные офицерами Генерального штаба; Списки обитаемых мест в Царстве Польском (в Академии наук); Списки православных и греко-униатских приходов в Царстве Польском; Карта Царства Польского, с показанием православных церквей и деревень, раскольничьих молелен и деревень М.Ф. Мирковича (в Императорском географическом обществе); Список евангелистских лютеранских приходов по сведениям из Царства Польского, географические и статистические очерки Царства Польского; монография деятеля русинского Возрождения Галиции Д. Зубрицкого «Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси. От водворения христианства при князьях поколения Владимира Великого до конца XV столетия» (М., 1845); этнографическая карта Европейской России П. Кёппена, «сведения местных деятелей» и т. д. [25].

Титульный лист исследования А. Риттиха «Приложение к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская» (СПб., 1864) [34]

В 1870 г. выходит в серии «Материалы для этнографии России» новое исследование А. Риттиха «Казанская губерния» в 2 ч. [26; 27] с «Картой народонаселения Казанской губернии по племенам» (СПб., 1870). В предисловии полковник А. Риттих написал, что «представляемый труд начал разрабатываться ещё в 1865 году, вслед за изданием моих этнографических исследований по западно-русскому краю и восточной полосы Привислянских губерний» [26: 1]. Он указал 46 источников, которые использовал при написании работы [26: XI–XII]. В первой части А. Риттих перечисляет этносы, населяющие губернию и прилегающие территории, даёт их краткую историю, показывает переселенческие процессы. Во второй части он описывает проживающие в губернии коренные народы: татар, мещеряков (мишарей – этническую группу в составе волго-уральских татар. – С.С.), чувашей, черемисов (марийцев. – С.С.), вотяков (удмуртов. – С.С.), мордву. В Приложении он публикует молитву господню на шести языках племён Казанской губернии, сравнительный словарь на десяти языках, казанские типы и одежды, сравнительную музыку татар, чувашей и черемисов. Он также поместил племенную карту, статическую таблицу, план с. Болгары и виды болгарских развалин [26; 27].

Его описания народов данного региона считаются одними из лучших в конце XIX – начале XX в., не потерявших актуальности и сегодня. К примеру, в «Чувашской энциклопедии» авторы в разделе информации об исследователе отметили, что его очерк о чувашах признаётся одной из лучших работ по этнографии чувашей второй половины XIX в. А в приложении дана самая ранняя нотная публикация чувашской народной музыки, нотации по просьбе автора были выполнены капельмейстером И.В. Гусевым. Авторы предположили, что «именно этой публикацией воспользовался А.П. Бородин при сочинении музыки знаменитых “Половецких сцен” в опере “Князь Игорь”» [11].

В 1873 г. в той же серии вышло исследование А. Риттиха «Материалы для этнографии России. Прибалтийский край. 15, 16, 17. Приложения: карта по племенам и исповеданиям и три статистические таблицы по племенам и исповеданиям Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губернии». Он использовал «капитальные труды последнего десятилетия», в т.ч. «Военное обозрение Рижского военного округа» (1869), а также «Этнографическую карту Европейской России» академика П.И. Кёппена, «который доставил бы ещё лучшие основания статистикам, если б списки населённых мест Прибалтийского края были бы сообщены ему с такою же точностью, как из других губерний» [28: 1–2]. На карте фоном показаны 11 народов, сгруппированных по этническому признаку: славянское племя: великороссы и белорусы,

поляки; литовское племя – литва, жмудь, латыши; германское племя – шведы, немцы; финское племя – финны, ливы, эсты и отдельно евреи [28]. Современные исследователи считают, что такая группировка народов, а не простое их перечисление в изъяснении (условных обозначениях) в истории отечественной этнической картографии была проведена впервые. Затем А. Риттих применил этот принцип в своей самой известной картографической работе «Этнографическая карта Европейской России» в 1875 г. [13: 225].

Здесь же А. Риттих поставил вопрос о необходимости во время переписей ставить графу о народности (национальности)³. Он считал, что «один язык не может ещё обрисовать народность», приводя в пример следующую «странность»: «по курляндскому статистическому ежегоднику за 1869 год значится, что говорящих по-немецки 77 840 д. об. п. Далее прибавлено, что к говорящим по-немецки должны быть отнесены евреи. Вследствие чего население, говорящее по-немецки распадается на 44 133 христиан и 33 707 евреев... Определение народности тесно связано, кроме того, с ассимиляцией нескольких в одно общее племя. При общих исчислениях, там, где не нужны подробности, такой способ обобщения облегчает этнографический обзор страны, но при этом нередко встречаются грубые ошибки, в которые впадают добросовестнейшие статистики, по отсутствию подробных этнографических разработок по племенам, их народностям и наречиям». Он привёл пример, когда австрийский статистик и политический деятель польского происхождения Отто Хауснер (Otto Hausner) в своей работе «Vergleichende Statistik von Europa». Bd. 1, 3 (Lemberg, 1865) причислил латышей к финскому племени и к общей монгольской расе. А. Риттих также отметил, что «среди тюркского племени можно встретить черемис, вотяков и пермяков около татар». Он считал, что «этнографическое неведение отражается на исторических событиях». Это «известно из опыта 1862 г., когда заграничная пресса вздумала уверять, что весь западно-русский край заселён по преимуществу польским элементом». Поэтому «такие ошибки, вводящие в заблуждение, отражаются не совсем благоприятно, прежде всего ложно, при рассмотрении состава населения России и потому требуют серьёзной разработки» [28: 2–4].

Для правильного определения национальности он предложил принимать во внимание «для каждого лица, на научных основаниях и независимо изустных показаний»: а) место родины, которое указывает на заселённость по преимуществу той или другой народностью; б) народность отца и матери, которая переходит на детей, за исключением некоторых случаев; в) подданство; г) вероисповедание; д) язык; е) школа обучения: правительственная, общественная или

приходская, в период окончания учебных занятий; ж) признание опрашиваемой личности» [28: 2–3].

В 1875 г. вышла одна из самых значимых картографических работ А. Риттиха «**Этнографическая карта Европейской России**» (60 вёрст в дюйме, 1 : 2 520 000) [50]. Издание новой этнографической карты Европейской России было, по словам вице-председателя Императорского Русского географического общества П.П. Семёнова, «самым крупным картографическим предприятием общества»⁴. Идея эта возникла в отделении этнографии в 1871 г., когда встал вопрос об исправлении этнографической карта П. Кёппена, которая к тому времени устарела и была малого масштаба (75 вёрст в дюйме). Основным материалом при составлении новой карты должны были послужить списки населённых мест, издаваемые Центральным статистическим комитетом и приходские списки Академии наук. Для проверки этих материалов могли стать специальные географические исследования и местные разыскания. Основанием «для племенных различий должен был быть положен язык, а в случае могущих возникнуть сомнений, – и те местные указания, по которым известное население относится к тому или другому племенному типу» [6: 953–954].

Была создана комиссия для разработки этого вопроса в составе Л.Н. Майкова, А.С. Будиловича, М.И. Венюкова, А.А. Ильина и А.Ф. Риттиха. Однако не было средств на составление и издание карты. Отделение отказалось в связи с этим от издания атласа и решило на основании имеющихся новых данных составить и издать этнографическую карту России с нанесением на неё Кавказа и Царства Польского [6: 954].

В 1873 г. действительный член общества А.Д. Башмаков пожертвовал на это Совету общества сумму в 2 000 руб. Была создана комиссия для наблюдения за составлением этнографической карты из членов общества: Л.Н. Майкова, А.И. Артемьева, М.И. Венюкова, А.Ф. Риттиха и Н.В. Христиани, впоследствии к ним присоединились И.И. Куник и В.Н. Майнов [6: 955]. Собрание основного материала, т. е. «составление карточек, затем нанесение заключающихся в них данных на карту 10-вёрстного масштаба и перенесение с неё на карту 60-вёрстного масштаба», было поручено особому редактору А. Риттиху. К концу 1873 г. он привёл карту в такой вид, что члены комиссии могли приступить к проверке листов. Сам же Риттих вторично пересмотрел карту и переделал несколько листов, относящихся к Кавказу. Когда труд А. Риттиха был окончен, комиссия приступила к его подробному рассмотрению [6: 956–957].

Было решено отпечатать карту тиражом 1 500 экз., по возможности не дороже 5 000 руб. Продажную цену назначили в 6 руб., А. Риттиху

как составителю решено было предоставить 100 экз. П. Семёнов писал, что «одной из самых крупных заслуг карты А.Ф. Риттиха перед картой П.И. Кёппена было то, что на первой из них были различены белорусы и малороссияне от великороссиян, чего не было на карте Кёппена. Неутомимой энергии А.Ф. Риттиха общество было обязано тем, что прекрасный труд его, окончательно начертанный ещё в 1874 году и затем тщательно исправленный, в течение 1875 года был окончен и печатанием. Это последнее производилось в картографическом заведении А.А. Ильина, который как действительный член общества, принимал со своей стороны всевозможные меры к тому, чтоб исполнить дело самым точным и изящным образом. Карта в 60-вёрстном масштабе на 6 листах, была вполне отпечатана в мае 1875 года». Экземпляры её были отправлены в Париж на Международную географическую выставку. На выставке А. Риттиху была присуждена медаль первого класса⁵ [6: 958–959].

На карте А. Риттих показал 46 народов. Каждый из них был выделен своим цветом. Впервые в отечественной этнической картографии этносы были в легенде карты сгруппированы по лингвистическому принципу, и родственные в языковом плане этносы были выделены единой цветовой гаммой. Долгое время карта А. Риттиха была основным пособием для изучения расселения народов России [12: 12; 13: 226].

Немецкий картограф и географ Август Петерман (August Petermann) в предисловии к изданию карты на немецком языке, датированном 21 марта 1878 г., подробно описал процесс подготовки и издания карты, показал огромную работу, проделанную А. Риттихом: «Редактирование этого великолепного труда осуществлялось под руководством полковника Генерального штаба Российской империи А.Ф. Риттиха по плану Этнографического отдела Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге и потребовало 2,5 года напряжённой работы. Редакция получила 2 000 рублей, из которых 500 рублей внёс г-н А. Д. Башмаков, который впоследствии также внёс 2 000 рублей на литографирование. Для содействия редактированию и выпуску труда Географическое общество учредило специальную комиссию в составе гг. Артемьева, Вейденбаума, Венюкова, Куника, Лерхе, Майкова, Майнова, Семёнова и Христиани. Все вопросы, касающиеся редактирования, передавались этой комиссии и после уточнения были занесены в протокол, который затем служил руководством для редакции. Основным материалом послужили многочисленные приходские списки, хранившиеся в Академии наук, метрические книги всех населённых пунктов и многочисленные специализированные исследования, проведённые компетентными лицами – около

35 000 отдельных первичных записей. Весь этот материал был первоначально нанесён на карту Стрельбицкого, состоящую из 133 листов масштабом 1 : 420 000, которую начальник Генерального штаба граф Гейден предоставил Географическому обществу для этой цели. Финляндия и Кавказ потребовали отдельных специальных исследований. Литографирование и цветная печать оригинала карты были выполнены Картографическим институтом Ильина в Санкт-Петербурге; стоимость литографии тиража в 1 500 экземпляров составила 4 000 рублей, или около 12 000 марок» [54: IV–V].

Он указал, что при публикации карты подчёркивалось, «что её изготовление представляло значительные технические трудности». Сама печать «была чрезвычайно дорогостоящей». А. Петерман отметил, что «тем не менее результат технически совершенно неудовлетворителен: 46 различных цветов в целом очень трудно различить друг от друга; поляков, разбросанных по Западной России, например, практически невозможно не заметить; разнообразное и весьма интересное смешение народов Кавказа предстаёт размытым, нечётким и непривлекательным изображением, преобладающим в зеленовато-жёлтых тонах и т.д. Причём цвета не только лишены необходимой ясности и чёткости, но и читабельность и ясность текста ещё больше ухудшаются из-за цвета. Общее впечатление от карты не привлекательное, а скорее отталкивающее. Это серьёзный недостаток карты». Он отметил, что «здесь мы снова видим, как много зависит от техники картографирования; можно даже сказать, всё! С другой стороны, даже самая худшая техника не всегда может полностью лишить карту её внутренней ценности» [54:V]. А. Петерман переиздал данную карту хоть и уменьшенном масштабе, однако более качественно.

В 1877 г. А. Петерман выпустил этнографическую карту России по материалам А. Риттиха и М.И. Венюкова «Ethnographische Karte des Russischen Reiches, nebst Andeutung der hauptsächlichsten Völkergrenzen in den Nachbargebieten. Hauptsächlich nach Rittich und Venjukoff von A. Petermann» [8: 210–211]. Как писал сам Петерман в 1878 г. в предисловии к «Die Ethnographie Russland's nach A.F. Rittich. Mit zwei Karten» («Этнография России по А.Ф. Риттиху. С двумя картами»): «...мы начали детальное исследование этнографии России на основе последних официальных исследований и, конечно же, по этому случаю опубликовали прежде всего обзорную карту всей Российской империи (см. Табл. 1, “Geographischen mittheilungen”, 1877). Эта карта уже включает в себя обширный, фундаментальный и новаторский труд Риттиха. Однако в мелком масштабе 1 : 20 000 000 её можно было представить лишь в самом общем виде...» [54: III].

В 1878 г. он выпустил карту А. Риттиха в большом масштабе (1 : 3 700 000), разделённую на северную и южную части («Ethnographische Karte von Russland (Nördliches Blatt)», «Ethnographische Karte von Russland (Südliches Blatt)», вначале описав народы России [54].

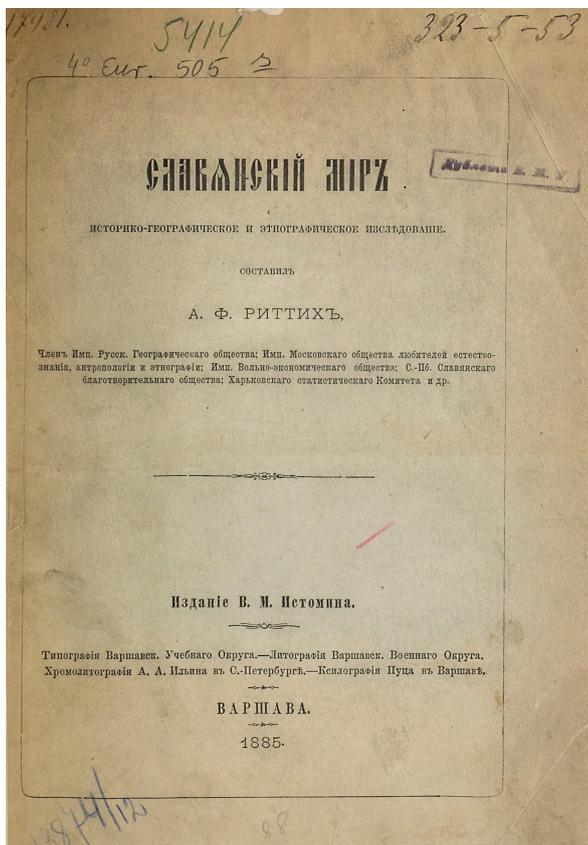
В книге **«Переселения»** (1882), посвящённой памяти императора Александра II, А. Риттих рассказывает о переселениях славян, русской колонизации, рассматривает переселенческий процесс с бытовой и экономической точек зрения, говорит о потребностях и последствиях переселений. Он приводит в качестве примера заселение Пруссии при Фридрихе II, переселение немцев при Иосифе II, французскую колонизацию Алжира. Он считал, что «если только наше переселение достигнет желанного благоустройства и совместного с требованием политической экономии народа, то будущность нашего дорогого отечества превзойдёт величие всех бывших и настоящих государств. От Львова до Семипалатинска будет слышен единый язык, господствовать одна вера, нрав и быт. Повсюду на широком пространстве средней России можете развиться могучая и понятная нам, русским, жизнь, какую по своим последствиям не имеет впереди ни одно государство в мире. Безостановочное движение по железной дороге от Варшавы на Оренбурге и далее придаст торговле и нашему сбыту по хлебу и всяким сырым произведениям особенную оживлённость, а в случае войны масса народа, живущего за Киевом, всегда будет иметь время и силу собираться многократно и откидывать любую коалицию. Мы можем расти, ничего не теряя, тогда как на западе прирост есть отрицательное счастье, от которого отделяются там миграцией, т. е. потерю населения. У нас это слово может быть не всегда вычеркнуто из лексикона, у нас может быть только перемещение!» [32: 90].

Широкую известность приобрела монография А. Риттиха **«Славянский мир»** (1885 г.; переиздана в 2013 г. Институтом русской цивилизации). Автор посвятил книгу «тысячелетней памяти первоучителей славянских, свв. Кирилла и Мефодия. 6 апреля 885–1885») [36; 37]. В ней он систематизировал сведения о происхождении, расселении и исторической судьбе славянских племён и народов, даёт карты расселения и миграций славян и соседних народов. Он также приводит сведения о материальной и духовной культуре славян, особенно об их верованиях. В конце книги – список работ А. Риттиха («Перечень исследований А.Ф. Риттиха»). В предисловии он написал: «Во время Польского восстания 1862–3 годов нам впервые пришлось ближе ознакомиться с русским народом в его массе. Симпатичные черты этого народа возбудили в нас мысль поработать для его пользы, а отношение к России Запада и взгляд на неё европейских народов определили характер и направление самой работы⁶. С одной сто-

роны, голословное, но безапелляционное отрицание достоинств в великой славянской отрасли человечества вообще и непрерывные заграничные нападки на невежество русских в частности; преднамеренное закрывание глаз на все хорошее, самобытное, что дали Европе славянство и Россия, вековая то скрытая, то прорывающаяся наружу злоба и гордое самомнение и эгоизм наших противников; с другой, – скромная, безответная молчаливость великого народа пред злобными выкрикиваниями его недоброжелателей – вот что побудило нас предпринять в своё время ряд географических, этнографических и исторических исследований о России. Цель этих работ заключалась в том, чтобы ознакомить с Россией и Славянский мир, и, отчасти, самих русских и, наконец, представить правду о ней пред лицом целой Европы» [36: I].

Автор упомянул, что «главнейшим подспорьем в этом по возможности сжатом труде были Шафарик и Гильфердинг». Также он использовал работы Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, Д.И. Иловайского, И.Е. Забелина и других российских и зарубежных исследователей [36: II–III]. В книге он поместил 45 чёрно-белых карты и две цветные (Этнографическую карту Славянского мира и Карту западных и южных славян) [36].

Свою книгу «**Записка по предстоящим вопросам (Очерк государственной обороны)**»⁷, изданную в 1906 г.,

Титульный лист исследования А. Риттиха «Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование» (Варшава, 1885) [36]

после завершения Русско-японской войны, А. Риттих посвятил вопросам укрепления обороноспособности России, оценкам существующих угроз и рекомендациям по подготовке государства к возможным конфликтам [23].

А. Риттих, один из немногих учёных того времени, признавал православных славян-македонцев «самостоятельным племенем, имеющим общий язык» и выступал за «цельную, нераздельную, автономную» Македонию, представлявшую из себя «самовластное княжество, которое не должно входить в состав какого-либо государства, в особенности в состав Болгарии, которой управляют такие личности, как немец Фердинанд и Родославов, отрекающийся от всего славянства». Об этом он писал издателю газеты «Македонский голос» в 1914 г. Этот вопрос он поднимал и ранее в своих публичных выступлениях, в частности перед офицерами в 1901 г. [24]. В 1903 г. это выступление вышло отдельной брошюрой «Славянские наречия XX века в Юго-Западной Европе», где он выделил отдельно язык «македонян (старославян)», назвав их «наречие, близко подходящее к болгарскому и сербскому». Их численность он определил в 913 842 чел., православных по вероисповеданию [35: 4]. Эту тему он поднимал в ряде статей. К примеру, в небольшой статье «Македония» (Славянские известия. 1913. № 42 (35). 1 сентября. С. 592–593) Здесь А. Риттих кратко изложил историю македонского народа и ставил вопрос об его автономии.

К сожалению, хотя его имя часто упоминается в исследованиях по истории русской картографии (см., например: [12; 13]), многие работы в настоящее время забыты. Сведения о Риттихе и его деятельности размещены в немногочисленных и неполных биографических заметках (см., например: [1; 11; 14; 40]), некрологах (см., например: [3]), статье О.А. Красниковой [8], в которой автор приводит ряд немногочисленных архивных документов о жизни и деятельности А. Риттиха.

В ряде его исследований затрагивается тема Карпатской Руси и её населения.

В «**Приложении к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская**» (СПб., 1864) [34], которое составил подполковник Генерального штаба А. Риттих, даются сведения о религиозном и этническом составе вышеперечисленных губерний. Его карты народонаселения двух губерний по исповеданиям и племенам вышли под названием «**Материалы для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская**» (СПб., 1864) [25].

В начале «Приложения» в «Отделе религиозном» Риттих приводит сведения по численности католических, греко-униатских, православных, протестантских приходов [34: 3–12].

В Люблинской губернии в этот период насчитывалось 640 423 католика, 216 246 греко-униатов, 6 629 православных, 7 646 лютеран [34: 6, 9]; в Августовской – 474 263 католика, 8 751 греко-униат, 2 522 православных, 28 729 лютеран и реформаторов. Упомянул он, ссылаясь на данные М. Мирковича, о двух раскольничьих моленных в Сейненском уезде в сёлах Погорельцы и Глубокий Ров [34: 11–12].

В «Отделе этнографическом» исследователь даёт развёрнутые сведения по национальному составу губерний. В начале он упомянул, что, «рассматривая размещение католических и греко-униатских приходов, оказывается, что последних ещё очень недавно было, вероятно, гораздо больше; что было время, когда раздельная черта одной религии от другой, обозначалась резкою сплошною массою и что линия эта сливалась с границами двух смежных земель Польши и России, споривших между собою за обладание правым берегом Вислы. Теперь лишь только остатки православия, отдельные пятна униатов в Августовском, Ломжинском, Седлецком и Люблинском уездах, служат доказательством этой истины, подтверждаемой историческими воспоминаниями. Таким образом, можно предполагать, что до Брестской церковной унии масса малороссов и белорусов, числом до 480 тыс. человек, или 1/3 всего населения Восточной Польши, исповедовали православие, тогда как католицизм в то же время господствовал за Люблиным и Щебржешиным, в Мазовии и по левой стороне Немана, в Литве» [34: 13].

Говоря об истории появления различных этнографических групп в Люблинской и Августовской губерниях, он пишет, что в середине X в. по левой стороне Немана, как и ныне, жило литовское племя, которое польский историк И. Лелевел называл судавами (ятвяги. – С.С.). Их остатки сохранились ныне в смежных частях Восточной Пруссии. Весь Ломжинский уезд и южную часть Августовского уезда занимали мазовшане, распространяясь на юго-восток, соприкасаясь с ятвягами, населявшими Бельский, часть Седлецкого и Луковского уездов. В северной части Люблинской губернии ятвяги и мазовшане столкнулись с белохробатами (белыми хорватами. – С.С.), перешедшими через Вислу при слиянии Вепржа, и с бужанами, занимавшими остальное пространство по обеим сторонам Западного Буга. Южнее них жили древляне, западнее последних, по обеим сторонам Вепржа, обитали хорваты в Червенских городах, остатки которых сохранились и поныне в виде земляных укреплений, около М. Чермо, на юг от М. Уханы, вблизи Хелма (Холма). Все эти славянские племена, пишет автор, вошли отчасти около 981 г. в состав владений великого князя Владимира [34: 13].

Основываясь на исследованиях польских и российских учёных,

А. Риттих сделал вывод, что «в X веке нынешняя Люблинская губерния разделена была на две половины, из которых восточная принадлежала Руси, а западная – Польше. Христианская вера проникла в эту землю с двух сторон, сообщила западной половине учение западной Римской церкви, принятое Мечиславом, королём Польским; а восточной – восточной Греческой церкви, принятое Владимиром Святым». Князь А.В. Трубецкой в своей брошюре «La Pologne n'est pas morte» (1862) определил западную границу владений Владимира Святого, по данным Нестора, Шлёцера, Карамзина, Полевого и Соловьева: Карпатские горы, Сан, прямая линия поперёк долины Вепржа, от слияния Сана с Вислою до слияния Мухавца с Западным Бугом, далее по болотам истока Припяти, Щара и Немана до слияния его с Вилией и т.д. Граница эта, не совсем верная, но, по мнению А. Риттиха, «доказывает, что часть Люблинской губернии входила в состав Владимировой державы, с принятием православия, которое впоследствии времени, заменившись унией, даёт повод полагать, что граница эта проведена слишком умеренно, о чем ещё свидетельствуют войны Владимира Святого с ятвягами и покорение их; а все вместе указывают на границу не поперёк Вепржа, а по его долине, вплоть до самой Вислы». Д. Зубрицкий считал, что уже Владимир Святой владел всем правым берегом Вислы, указывая на войны Ярослава в пределах Польши по левой стороне Вислы в 1030 г. В 1264 г. Даниил Галицкий двинулся из Галича к Люблину, захватил его. Он также присоединил к своему княжеству часть княжеств Сандомирское и Мазовецкое до рек Вислы и Буга [34: 13].

Юго-восточная часть Люблинской губернии, вошедшая в состав Галицкого княжества, пишет автор, «составляла впоследствии часть Червонной Руси. Весь Грубешовский уезд и южная часть Замостского уезда составляли княжество Бельзское. Остальная часть Замостского уезда, восточная часть Люблинского уезда и весь Красноставский уезд составляли Русское Холмское воеводство с главным городом Холмом, основанным русскими князьями в это же время. Эти две части ещё в 1799 году назывались Червонной Русью, судя по карте, присланной в недавнее время из Варшавы в Императорское Русское географическое общество, тогда как в XVIII столетии настоящую Червонную Русь, уже успели заменить Галицией» [34: 13].

Севернее Холмского воеводства, по обоим берегам Буга, находилось Брестское воеводство с главным городом Берест-Русский (ныне Брест-Литовский). Ещё севернее, занимая весь Бельский и часть Седлецкого уезда по обоим сторонам Буга, тянулись Дрогочинская и Мельницкая земли, владения русские, включённые И. Лелевелем в состав Подлясии (Подляшья). Левее этих владений лежало Сандомирское воеводство в Люблинском, Луковском уездах и в остальной

части Седлецкого уезда. Севернее была Мазовия, которая граничила с окраиной Лодомирии, рекою Лик. «За нею, вплоть до прусской границы и до Августова, поворачивая и изгибаясь в неопределенном направлении до Гродно, тянулся выдавшийся кусок русской земли, со своими пограничными укреплениями Липском и Райгородом» [34: 14].

В середине XIV в. Казимир Великий утверждает в Галиции и в Бельзе, а в 1377 г. воевода Сендзивой из Шубина взял приступом Хелм и покорил Хелмскую землю, которая под названием Русского воеводства, вошла в состав королевства. Ягелло в 1390 г. отдал Бельзскую землю мазовецким князьям. После того как их род в 1462 г. угас, эта земля присоединена была к Польше. Со времени Казимира Великого, пишет исследователь, «начинается постепенное переселение поляков в этот край и столь же равномерное пополнение его евреями». Мазовецкие же князья во время своего недолгого правления раздали множество земель пришлым мазурам и полякам, своим приближенным, католической церкви и монастырям. Д. Зубрицкий отметил, что вслед за покорением русских земель начались систематическое преследование греческой церкви, изгнание бояр и утверждение католицизма [34: 14].

Литва, расширяясь и присоединяя русские земли, включила часть этих земель в состав своих владений, в 1358 г. гранича с Мазовией. До вступления великого князя Литовского Ягелло на польский престол в 1389 г. Литва ничего не имела общего с Польшей. Во владениях литовско-русских не было польского населения. В 1569 г. был подписан в Люблине акт об унии, в результате которого произошло объединение Королевства Польского и Великого княжества Литовского в единое государство – Речь Посполитую. «С этого периода начинается новая эпоха для всего русско-литовского населения Люблинской и Августовской губернии. Везде первое место, первый голос принадлежит полякам, католицизму, которые настолько уничтожали русскую народность, насколько должны были терпеть литовскую. Стоить только взглянуть на размещение поляков между литвинами и русскими, чтобы наглядно убедиться в справедливости этих слов. Другой причины, кроме сознательной боязни с одной стороны, бессилия с другой и равноправности в соединении с единоверием, с третьей стороны, не было» [34: 14–15].

После раздела Польши Августовская губерния досталась Пруссии, а Люблинская – Австрии. В то время там поселились немцы. Наполеон в 1807 г. восстановил Герцогство Варшавское из земель, отошедших к Пруссии. В состав его вошла и северная часть Августовской губернии, которая никогда не принадлежала Польше и считалась частью

Литвы до и после соединения с Польшей. Спустя три года герцогство увеличилось за счёт Австрии присоединением к нему Люблинской губернии. В 1815 г. было восстановлено Царство Польское. В состав восточной полосы вошло население русское и литовское, составляющие половину населения края, некогда принадлежавшего Лодомерии (Галицко-Волынскому княжеству. – С.С.) и Литве [34: 15].

Далее А. Риттих подробно описывает население двух губерний, начав с севера, с литовцев. Литовское племя, как уже было им отмечено, занимает три северных уезда Августовской губернии: Мариампольский, Кальварийский и часть Сейненского. Из 256 708 литовцев жмудян – 204 010 чел., литовцев – 52 698 чел. [34: 15–16].

Присутствие белорусского наречия в Августовской губернии впервые замечено летом 1863 г. местными деятелями Виноградовым и другими корреспондентами «Русского инвалида». Их причисляли, по официальным сведениям, к мазурам, число белорусов 23 759 душ обоего пол приблизительноное [34: 16].

А. Риттих обратил внимание, что белорусов Августовской губернии нередко «звуют на иностранных и на нашем языке русинами». Он считал, что «прозвище это вымышлено за границую, без всякого основания и повторяется на таких же началах. Во Львовской брошюре за 1850 г. «Die Ruttenische Frage in Galizien von Anton Dabczansky, Landrath von Leinberg» сказано: «...прозвище русин появилось с первым изданием галицко-русской грамматики в 1834 г. Высокопочтенный издатель, не желая навлечь на себя невзгоду правительства и избегая неверности в названии русских – рутенами, нашёл удобным изобрести слово русин. Оно понравилось и привилось у иноземцев ко всему русскому, проживающему за границую. И теперь всех русских в пределах Австрии и Польши находят верным признавать за каких-то особенных русинов, забывая совершенно, что народность не зависит от произвола, а единственно от установившихся в самом пароде понятий о своём происхождении, и что рано или поздно истина всплывёт наверх»⁸ [34: 14].

В средней части Августовской губернии, в лесах, около озёр и по р. Гонче, по границе Сейненского и Августовского уездов, живут великороссы-старообрядцы. Они говорят «чистым русским языком» и сохранили все обычаи и нравы Центральной России. «Они принадлежат к филипонам, вышли из ближайших к Западной России губерний, при Алексее Михайловиче, Петре Великом и Анне Иоанновне и ныне ещё пополняются выходцами, целыми семействами, бродягами, беглыми и отставными солдатами». Их насчитывается 3 829 д. об. п. А. Риттих считал, что цифра эта неполная. По его мнению, их до 4 500 чел., часть скрывается в труднопроходимых болотах.

Кроме того, как видно из отчёта начальника Люблинской губернии за 1862 г., «в деревне Мелянове, Луковского уезда, живут 117 душ филипонов, беспоповцев, занимаясь хлебопашеством». Он дал список всех старообрядческих посёлков и деревень [34: 17].

Кроме старообрядцев, в Августовской губернии проживало 2 522 чел. великороссов православных, а в Люблинской – 4 605 чел. Они в основном административные служащие или военные. Поэтому автор их не рассматривает в этнографическом плане [34: 17].

Мазуры, или мазовшане отличались своим наречием «и особенностями в нравах, обычаях и домашнем быту» от поляков. Раньше у них было своё особое княжество и, «имея всё своё собственное, хотя и родственное Польше, это племя, войдя однажды в состав Речи Посполитой, почти совершенно утратило свою народность, принимая всё более и более нравы и обычаи поляков, которые большими массами шляхты заселяли прежние владения мазовецких князей, уезды Ломжинский и южную часть Августовского. Кроме того, оказывается из частных сведений, что около Сувалок также живут мазуры». По Сейненскому уезду их насчитывалось 7 318 чел., по Августовскому – 20 161 и по Ломжинскому – 11 478 чел. Всего – 38 957 д. об. п. Юго-восточную часть Ломжинского уезда населяли остатки ятвягов, слившихся со своими соседями и принявшими их язык, веру и обычаи, так что они ничем не отличаются от мазуров. В этом населении можно встретить два прихода греко-униатов и остатки русских селений, ранее православных. В Люблинской губернии, в Седлецком уезде проживало до 25 174 мазуров, в Луковском – 56 987. Всего – 82 161. А. Риттих отметил, что среди них «104 православных, в Дрогичинском приходе». Всего количество мазуров в двух губерниях не превышало 121 118 душ обоёго пола [34: 17–18].

Юго-западная часть Ломжинского уезда, близ Прусской границы, довольно лесистая, была заселена пушачами, или курниками (лапотниками, от слова «курне» – лапоть). Население это, занимая Новогрудскую и Мышенецкую пущи, тянулось и далее по северо-восточной части Пржаснышского и Остроленского уездов Плоцкой губернии, составляя половину населения последнего. Их насчитывалось 22 705 душ. Курники, как писал А.Ф. Ростковский, говорят «на искажённом польском языке, заменяя, как мазуры, шипящие буквы мягчайшими, а в некоторых словах, выпускают целые слоги». Дома их, отметил А. Риттих, просторны и опрятны, но одежда очень бедна. Редко кто из них имел сапоги и ещё реже тулуп. Они отличались «полудикостью нравов, буйным характером и непокорностью властям» [34: 19].

С разделом Польши и присоединением Августовской губернии к Пруссии, а Люблинской – к Австрии здесь поселилось довольно зна-

чительное количество немцев-колонистов, которых в Августовской губернии до 28 729 чел., а в Люблинской – 7 646 чел. [34: 19].

Поляков, т. е. жителей левого берега Вислы, говоривших чистым польским языком, можно встретить рассеянными по всему пространству восточной полосы Царства Польского. Они составляли высшее сословие края, духовенство, шляхту и весьма незначительное число сельского населения. Собственно поляков (без мазуров и люблян) – 297 777 чел. Из них в Августовском уезде – 140 925, в Люблинской губернии – 156 852 чел. [34: 19–21].

Массу населения, простонародье, уездов Люблинского и западных частей Красноставского и Замостского называли люблянами. От остального населения Замостского, Красноставского и Грубешовского уездов они отличались католической верой. А. Риттих отметил, что «язык их, прежнее малороссийское наречие, от примеси польского в некоторых местах совершенно изменился, так точно, как и во многом изменились нравы и обычаи люблян. Поэтому нам кажется вернее причислить это ополяченное население к польскому племени». Как их описывал К.К. Витовский, «люблинский крестьянин носит суману тёмно-кофейного цвета, рубаху – поверх холщовых штанов, сапоги юфтовые, с длинными голенищами и высокими каблуками, надевают лишь в праздники, а в будни ходят босиком или носят лапти; бороду бреют все, кроме стариков; усы запускают. Волосы у люблян длинные и вьются кудрями; на голову, летом, надевают соломенную шляпу, а в другое время года овчинные высокие шапки из чёрных или белых барашков. Женщины надевают шерстяную полосатую юбку и парцанку, то есть холщовый длиннополый кафтан; голову же покрывают чепцом, повязывая его платком или завийской, т. е. куском белого холста. Башмаки носят с высокими каблуками и большей частью без чулков. Одежда незамужних женщин отличается только тем, что они ходят с открытою головою, волоса сплетают в косу, убирая её лентами. Особенное почтение питают они к своим помещикам; проходя мимо господского двора, хотя бы помещика и не было дома, снимают шапку; при встрече с человеком высшего сословия, даже с экономом, приветствуют его глубоким поклоном. Честность, трудолюбие и услужливость отличают их. Военной службы они не любят. Склонность к пьянству, суеверие и другие недостатки им столько же свойственны, как и остальным крестьянам Люблинской губернии. Характера они более задумчивого, нежели весёлого. Музыка и песни их заунывные; трубка составляет единственное развлечение для пожилого крестьянина, в дороге и в досужее время; грамоту знают редкие. Занимаясь, кроме земледелия, пчеловодством, рыбною ловлею, судоходством, лесным промыслом и ткацким ремеслом, любляне живут безбедно. Страсть

к общежитию у них проявляется сильнее, нежели между прочими жителями Люблинской губернии [34: 23]. Всего люблян 164 664 д. об. п. [34: 25].

В Люблинской губернии никогда не было белорусов, т. к. соседняя Волынь и южная часть Гродненской губернии до р. Нарева заселены малороссами. «В прежние же времена жили в Седлецком, Бельском и Луковском уездах ятвяги, а в Радзыньском – бужане. Впоследствии мазуры с одной стороны, а малороссы с другой, стесняя всё более и более ятвягов, слились с ними, придав населению тот типичный оттенок, которым характеризуется малороссийское население Радзыньского, Бельского и части Седлецкого уездов, так, напр., их язык отличается своим подляским наречием и своим особым ударением. Называют эту северную часть губернии Подлясией, т. е. находящуюся под лесами, или Подляхией, страную, находившуюся под властью яхов, отчего и названо северное римско-католическое управление епископством Подляским. Наконец, в подтверждение того, что жители этих 3-х уездов, принадлежат к малороссийскому наречию, служит их вера, по происхождению православная, ныне греко-униатская, причём оказывается, что до сего времени сохранилось там, при всех неблагоприятных обстоятельствах, 112 греко-униатских приходов» [34: 25].

А. Риттих считал, что «ещё весьма недавно общее число греко-униатов Седлецкого уезда, прежних православных, было значительно больше, и потому Седлецкий уезд, за исключением его северной части, нельзя признать польским, а, следовательно, и граница русского племени, выдвигается более к западу, вплоть до столкновения с мазурами, с трёх сторон» [34: 25]. Он полагал, что количество малороссов в Люблинской губернии достигает 452 346 чел. Из них католиков⁹ – 236 892, греко-униатов – 213 564 чел., православных (воссоединившихся из греко-униатов) – 1 920 чел. [34: 26].

А. Риттих отметил, что этих жителей восточной половины Люблинской губернии, малороссов, «по местности, на севере, зовут подлясками, на юге – люблянами, южнорусами, русинами и червонорусами». Эта полоса, по мнению исследователя, «без всяких резких разделений населена малороссами, с чем согласны все этнографы, а также г. Шафарик. Везде преобладает малороссийское наречие, более чистое около Хелма и с примесью польского около Вепржа и на западе Подлясии. Нравы и обычаи, одежда и постройки домов и деревень, смотря потому, с кем из соседей малороссы приходят в большее соприкосновение, то представляют настоящий тип украинцев; то приближаются к припятским жителям, с которыми имеют даже одну болезнь – колтун; далее около мазур и люблян, малороссы имеют многое с ними общее; а по границе Галиции они весьма схожи с теми малороссами, которых

за границу зовут русинами, название вымышленное и признаваемое только в кабинете и немецких сочинениях. Что касается до названия червонорусов, то это чисто местное название и не мешает им быть малороссами» [34: 27].

К. Витковский писал, что «жители Грубешовского и восточных частей Замостского и Красноставского уездов в наружных формах обрядов и праздников имеют более сходства с жителями Полесья и что многие поверья последних те же, что и на юге. При всём том следует, однако ж, заметить, что католики этих трёх уездов, имеют много общего с люблянами и мазурами, но наречие их то же, что у греко-униатов, т. е. малороссийское» [34: 27].

Далее К. Витковский в своём «Военно-статистическом обозрении Российской империи. Люблинская губерния» (1851) говорит о подлясаках, «применяя их быт к греко-униатам юго-восточной части губернии и к неполячившемуся остальному малороссийскому населению Люблинской губернии».

«Подлясский крестьянин обыкновенно среднего роста и плотного телосложения; цвет лица его большею частью смуглый, бледный, взгляд суровый, и вообще выражение лица угрюмое, усы густые и повисшие, все телодвижения его медленны и менее ловки, нежели у мазуров. Подлясский крестьянин способен к перенесению всех нужд, лишений и непогод; все, даже женщины, хорошо ездят верхом. Одежда подлясаков состоит из сукманы темно-коричневого цвета, до колен, для которой сукно делают сами. Сукманы эти перетягиваются тёмным шерстяным поясом. Исподнее платье состоит из ногавиц, т. е. холщовых штанов, поверх которых выпускают белую холщовую сорочку, низенький воротник, который застёгивается обыкновенно медною запонкой или завязывается жичкой, то есть шерстяной красного цвета ленточкой. Обувь в праздники составляют чоботы, т. е. сапоги из юфтовой кожи с длинными выше колена голенищами и огромными каблуками, подбитыми подковками. В будни и вообще во время работы носят постолы, то есть лапти, плетёные из липовой коры, а иногда из кожи, которые прикрепляют к ноге верёвками, обернув её прежде онучею. Летом употребляют соломенные шляпы, а в прочее время – низенькие шапки, обтянутые чёрным барашком. Впрочем, в окрестностях м. Лосиц мужчины носят сукманы серые, чёрную круглую поярковую шляпу или шапку высокую, обшитую мехом из серых барашков, с одной стороны мех этот разрезан, а для соединения разреза пришиты завязки из разноцветных ленточек.

Женщины на Подлясии вообще некрасивы, но зато отличаются трудолюбием; с утра до ночи, они работают или в поле, или дома и столь же способны к перенесению физических трудов и непогод, как

и мужчины; нередко случается видеть на другой день после родов женщину, занятую или домашнею, или полевою работою, которая, по-видимому, нисколько не утруждает её. Замужние женщины носят такую же сукману, как и мужчины, на ногах лапти, а голову покрывают чепцом, поверх которого повязывают плат, т. е. кусок белого холста в 4 арш. длиною, один конец которого обвивают кругом головы, а другой спускают на плечи и спину ниже пояса. В некоторых местах косу навивают на кибалек, т. е. обруч из молодого орешника или дуба, что заменяет гребёнку; но все-таки по верх кибалка кладут чепец, а на чепец плат, повязывая его различно. В окрестностях м. Лосиц, женщины носят суконные кофточки с металлическими пуговками и голову повязывают платком. Незамужние женщины, перевязав косу ленточками, спускают её на спину; лоб обвязывают полосой белого холста, забрасывая концы его назад; на шею навешивают бусы; сукманы носят темно-кофейного цвета, несколько короче мужских; из под сукманы выглядывает короткая шерстяная полосатая юбка; обувь составляют лапти.

Подлясаки вообще имеют нрав крутой и настойчивый. Перед высшими они смиренны до унижения и, говоря им “паньска тело, а божеская душа”, кланяются в пояс и целуют ноги. Воспитание детей у них пренебрежено. Впрочем, подлясаки не столь мстительны как мазуры, и за нанесённую помещиком обиду ни один из них не решится сжечь панские строения либо сделать пану вред иным способом; набожность и добросовестность особенно отличают этих людей.

Подлясаки терпеть не могут шляхты заговорной, т. е. мелкопоместной, и особенно ненавидят своих соседей мазуров, которым при всяком удобном случае то остротами, то поговорками и пословицами, стараются выказать свою ненависть.

Подлясаки страстно любят музыку, танцы и песни; мелодия последних обыкновенно заунывная. В песнях их больше поэзии, чем в песнях мазуров. Употребительнейшие их музыкальные инструменты: скрипки, пастушеский рожок и фуяра, род флейты с шестью отверстиями. К числу их танцев принадлежат *заверуха* – четыре человека, взявшись накрест за руки, вертятся кругом; *гайдук* – в одну линию чрез всю избу четыре человека кладут свои шапки, и каждый прыгает и пляшет подле своей; *козак* – две пары (мужчина с женщиной), ставши по углам избы, пляшут друг против друга накрест; *шталер*, или *штаиер*, род вальса, только его танцуют размашистее обыкновенного; наконец, *вальс* и *обертас* (курсив автора. – С.С.).

Праздники проводятся в корчме, где молодёжь пляшет и резвится, а старики пьют и толкуют» [34: 28–29].

«Дома подлясаков деревянные, покрытые соломою, поверх крыши

местами выводят деревянные трубы, редко каменные, а местами оставляют лишь отверстия для дыма, потому что у них жилые избы, почти у всех курные. Подле избы находится клеть или камора, где хранится всё богатство и платье хозяев; далее хлевы и на дворе конюшня, сарай или стодол» [34: 28–29].

Евреев, по отчётам губернаторов, в 1862 г. в Августовской было 111 368 чел., в Люблинской губернии – 139 716 чел. [34: 34].

Татар проживало незначительное число: в Августовской губернии – 166 чел., в Люблинской – 264 чел. Скорее всего, они были поселены тут при великих литовских князьях. В Августовской губернии они имели мечеть (в Кальварийском уезде, с. Винкшнуп), и при ней жил их мулла. В Люблинской губернии они жили в нескольких местах. Некоторые из этих татар на государственной службе, все остальные – помещики, дворяне и землевладельцы – жили по фольваркам довольно зажиточно. Они вели образ жизни шляхты, говорили по-польски, хотя сохранили некоторые обряды ислама [34: 36].

В 1909 г. в Варшаве в период обострения обсуждения холмского вопроса вышли составленные В.А. Францевым «Карты русского и православного населения Холмской Руси», где наряду с историей изучения вопроса приводятся статистические таблицы. Автор отметил, что вопрос о количестве и территории расселения русского населения в Холмской Руси и Подляшье изучен слабо. Интерес к этому возник, когда был поднят «давний проект образования Холмской особой губернии». Появились материалы в печати, которые были написаны в основном поляками и имели односторонний характер. Впервые картину расселения русского населения в данных регионах, по словам В. Францева, дал А. Риттих. В основном же этим вопросом ранее предвзято занимались польские исследователи [46: 104–105].

Будучи полковником Генерального штаба, А. Риттих составил описание **Австро-Венгрии** (Отдел 1. Общая статистика. СПб., 1874; Отдел 2. Вооружённые силы. СПб., 1876) [15; 16]. В **Отделе 1** он приводит данные австрийского исследователя Шмитта, «подогнавшего предшествующие этнографические исследования к цифре населения Австро-Венгрии за 1869 г.», т. к. в переписи 1869 г. не было распределения населения по национальностям [14: 40]. Русских (русинов. – С.С.) в Галиции насчитывалось 2 379 800 чел. (поляков – 2 292 800 чел.), в Буковине – 204 800 (румын – 201 800 чел.), в Венгрии – 448 000 чел. [14: 41]. Униатов в Галиции насчитывалось 2 315 782 чел., в Буковине – 16 901, в Венгрии – 981 537, в Трансильвании – 596 502 чел. Православных в Галиции – 1 369 чел., в Буковине – 376 118, в Венгрии – 1 414 282, в Трансильвании – 652 945 чел. (из них большинство – румыны. – С.С.). А. Риттих отметил, что «все почти немцы,

чехи, моравы, поляки, словинцы и кроаты и часть словаков католики; сербы, большинство румын и часть русских православные; большинство русских и часть словаков – униаты; значительная часть мадьяр (мадьяр. – С.С.) – протестанты» [15: 41–43]. В **Отделе 2** он перечисляет округа пополнения австро-венгерской армии, указывая национальный состав приписанных местностей. Это позволило сделать вывод об этническом составе пехотных полков (и, соответственно, дивизий), стрелковых батальонов, кавалерии, артиллерийских подразделений, инженерных полков и военного флота Австро-Венгрии [16].

Отдел 3. Военный обзор восточных областей был составлен флигель-адъютантом Е. И. В. Генерального штаба полковником Ф.А. Фельдманом. Здесь содержатся более развёрнутые сведения по населению Австро-Венгрии [49].

В 1874 г. (повторное издание – в 1875 г.) Славянский благотворительный комитет выпустил **«Этнографическую карту славянских народностей»**, изданную в 1867 г. М.Ф. Мирковичем и дополненную А.Ф. Риттихом. В статистических таблицах он разделил славян по государствам и народностям, а также по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям). Было выделено 10 славянских народностей: русские, болгары, сербо-хорваты, словенцы, словаки, чехо-мораване, верхнелужицкие сербы, нижнелужицкие сербы, кашубы, поляки [51; 52].

Численность русских он определил в 61 199 590 чел. В Российской империи проживало 57 905 294 чел., в Пруссии – 1 196, в Австро-Венгрии – 3 223 100, Румынии – 20 000, в Турции – 50 000 чел. Среди русских православных – 54 517 557 чел., раскольников – 3 074 127, униатов – 3 101 909, римо-католиков – 500 000 чел. [51; 52].

К карте 1875 г. А.С. Будилович, внёсший значительный вклад в изучение населения Карпатской Руси, в т. ч. и Холмщины [42], выполняя поручение Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, написал приложение «Статистические таблицы распределения славян: а) по государствам и народностям, б) по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям). С объяснительной запиской» [2].

А. Будилович обратил внимание на недостоверность цифр славянского населения Австро-Венгрии и на «всегдашнее желание статистиков немецких увеличить по возможности немецкий элемент империи, а мадьярских – мадьярский, насчёт преимущественно элементов славянских и румынских». Численность славянского населения Австро-Венгрии он взял у чешского учёного В. Крижка (как более согласного с Шафариком и другими источниками славянскими), высчитанную на основании переписи 1869 г. В этой переписи не

было этнографических сведений, поэтому пришлось дополнительно обратиться к переписи 1851 г., хотя, как признавал А. Будилович, «славян там указано – minimum, а для неславян, особенно немцев и мадьяр, – maximum» [2: 8–10]. «Данные, относящиеся к России, сообщены А.Ф. Риттихом» [2: 6].

В целом славян в Европе вместе с Россией (европейская часть, Кавказ, Сибирь и Средняя Азия) насчитывалось 90 365 633 чел. Всего русских – 61 199 590 чел. В России проживало 57 905 294 русских. В европейской части – 51 496 294 чел., на Кавказе – 1 144 000, в Сибири и Средней Азии – 5 265 000 чел. Предполагалось, что среди них было 14 168 288 малорусов и 3 488 600 белорусов. В Пруссии – 1 196 чел., в Австро-Венгрии – 3 223 100, в Румынии – 20 000, в Турции – 50 000 чел. Среди русских 54 517 554 были православными, 3 074 127 – раскольниками, 3 107 909 – униатами, 500 000 – римо-католиками [2: 4–6].

Говоря об «иноверцах племени русского», А. Будилович отметил, что число раскольников в России, предположительно, около 3 000 000 чел.; в Турции и Румынии – до 70 000; в Пруссии – 1 196; в Буковине – 2 951 чел. Итого: 3 074 127 чел. Униатов в России – 200 000 чел., остальные 50 000 униатов Холмской епархии воссоединились недавно (1875 г.) с православием, и процесс этот продолжается. В Галиции – 2 311 90 чел.; в Угорщине – 596 000 чел. Итого: 3 107 909 чел. Русские католики в Западной России и Галиции, писал автор, «обыкновенно причисляются в переписях к полякам. Шафарик предполагал в одной Белоруссии 350 000 русских-католиков. Если вспомнить, что в Галиции статистики ещё более смешивают католическую религию с польскою народностью, то придётся и там предположить немалое число зачисленных в католицизм русских. Поэтому цифра 500 000 будет низшим пределом для обозначения русских католиков. Строго говоря, на эту цифру нужно бы уменьшить сумму – не русской, а польской народности в наших таблицах. Но будем предполагать, что эти полмиллиона русских при переписях не отрекаются от своего происхождения». Всего «русских иноверцев» – 6 682 036 чел. Православных – 54 517 554 чел. [2: 20–21].

Говоря о славянских литературных языках, А. Будилович написал: «Из 11 отмеченных в таблице славянских литературных языков лишь один русский заслуживает этого названия по своей распространённости, древности преданий и обработке. Все остальные суть собственно наречия, а не языки; лишь случайно возвысились они на степень органов литературных и с трудом удерживаются в этом звании при неравной борьбе с языками литературными мировыми. В числе этих литературных “языков” славянских нужно бы упомянуть ещё о малорусском, который употребляется некоторыми писателя-

ми украинскими, галицкими и карпаторусскими, преимущественно униатами. Но этот малорусский литературный жаргон не имеет определённой территории, на которой бы он был органом школ, судов и администрации. Поэтому трудно указать для этого “языка” границы его распространённости и число душ, для которых он служит литературным органом, одним словом – дать этому факту статистическое определение. Вот почему “язык” этот опущен в наших таблицах» [2: 18].

В исследовании **«Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России»**, вышедшем в 1875 г., А. Риттих пишет, что «в северных уездах Бессарабской области (с 1873 г. стала губернией. – С.С.) живут малорусы-украинцы, которых иногда зовут русняками. Этот отдел славянства ничем не отличается от своих соседей в Галичине, Буковине – русин и в Подолии украинцев, причём весьма вероятно, что именно о предках этих славян говорили древнейшие греческие и римские писатели как о хлебопашцах и земледельцах» [33: 180]. Он же отметил, что «из брака румынки (молдаванки. – С.С.) с малорусом или украинцем всегда образуется румынское семейство». В то же время союзы румына с украинкой или малороссянкой «составляют исключение» [33: 34].

В книге **«Славянский мир»** (1885) А. Риттих касается истории Карпатской Руси и её коренного населения. После прекращения династии Рюриковичей польский король завладел Галицким княжеством. «С этих пор в Галиции стала развиваться католическая пропаганда; начались соращения, потом, с Ягелло, уния, окончившаяся уничтожением боярского рода, наводнением поляками и католиками Западной Галиции, а с XVIII ст. и немцами. Вследствие всего этого этнографический состав страны изменился; она разделилась на две части: восточную, русскую, и западную, польскую, по Сан. Князь Острожский говаривал: “Знай, ляше, что по Сан – наше”, – указание границы, которая и теперь удержалась». Галиция, в свою очередь, «находится в тесной связи с русскою Угорщиной, т.е. той южной полосой прикарпатской местности, Угрии или Венгрии, которая ныне входит в состав Мадьярского, или Венгерского королевства. Вся её восточная половина находилась некогда во власти русских князей, причём граница шла при в. к. Владимире св. от Тиссы по Тепле к городу Слану, ныне Соовар, около Пряшева (Эперис)» [36: 61].

«Угрское королевство основано в 899–907 гг., на развалинах славянских княжеств в древней Паннонии, завоёванных мадьярами или уграми», однако «сношения Закарпатской Руси с Галицией и Россией продолжались по-прежнему, и сами угры до известной степени подверглись цивилизирующему влиянию покорённых». Даже после принятия венграми христианства, когда они «окрепли в государст-

венном и гражданском смысле и, в свою очередь, стали оказывать социально-политическое давление на угрорусов», последние смогли долгий период «исторической борьбы сохранить свою народность, и такими остаются они поныне, со своим почти полумиллионным населением, именуемым русским». Этому, по мнению автора, способствовал «разновременный наплыв переселенцев с севера и востока». А. Риттих упоминает о переселении из Подолии в 1339 г. (опечатка. Правильно – 1393 г. – С.С.) литовско-русского князя Федора Кариятовича (Кориатовича. – С.С.) со своими подданными. Он напомнил, что к 899 г. вторгшиеся угры «нашли тут совершенно устроенное княжество под правлением Лаборца. Такие же княжества были и южнее, у Плес, т. е. Балатонского, или Блатного озера (болотного), по Дунаю и Тиссе; но всё это были только обломки прежнего величия святополковой монархии». Эти княжества «были отчасти смяты спустившимся с Карпат ураганом мадьяр, привольно раскинувшихся по степям Дуная и Тиссы. Народ, отчасти истреблённый, бежал к Карпатам и временно жил в их ущельях, пока не наступило время сближения двух народов. Эта смесь галичан, подолян, дулебов, быстриан, разных русских и южной ветви, или, как немцы её зовут, виндской, образовали Русскую Угорщину с языком, очень подходящим к русско-украинскому. Близость говоров будет очень понятна, если взять во внимание, что примитивное славянство говорило почти одинаковым наречием, а порчи его в Угорщине со времени покорения её мадьярами не могло быть, так как мадьяры не ударили на Угорщину ни единым лучом просвещения» [36: 62–63].

А. Риттих писал, что «в 1649 г. случилось здесь большое несчастье: православие после ужасных гонений было вытеснено унией, хотя русский народ ещё долго не признавал папу. Появились отщепенцы по корысти и самолюбию, погибли все потомки княжеских родов, бояре и дворянство, и остался один народ, без духовной помощи и призрения. Выручили его предания старины, родной язык и та простота, которою обуславливается жизнь в диких Карпатах. Таких отщепенцев насчитывается ныне в живых 400 т. д. Но не всё пропало, так как продолжение Карпат к востоку сливается с Русью, где в укромном уголку лежит страна букового леса, Буковина, и там-то православие было поддержано и сохранилось по настоящее время во всей своей мефодиевской древности у 208 000 д. русского населения». Он, ссылаясь на Я.Ф. Головацкого, считал, что «дулебы, тиверцы, бужане, бастарны-быстриане, певки-лемки, бойки, галичане и словенцы образовали в последние 1000 лет то, что теперь называется Угорская Русь, сливающаяся на востоке с православною Румынией идвигающаяся нравственно и реально к югу, по Дунаву и Тиссе, на соединение со Славонией и Кроацией» [36: 63].

Говоря о будущем славянского мира, А. Риттих приводит слова словацкого учёного Людовита Штура, что «для своего возрождения, для занятия во всемирной истории места, соответствующего своим силам и способностям, славяне должны прежде всего освободиться от невыносимого чуждого ига, приобрести государственную самостоятельность». Существует три способа решения этого вопроса: «а) чрез образование федерации из славянских земель; б) чрез соединение всех юго-западных славян с Австрией; и в) чрез присоединение всех славян к России» [36: 334].

Третье предложение, по мнению Л. Штура, «единственно исполнимо и желательно». Он говорит, что «Россия пересоздала и вдохнула новую жизнь в Балканский п-ов, что она же согнула мадьяр и защитила австрийских сербов, хорватов и словаков и своим влиянием на Запад вынуждает щадить, хотя бы для виду, всех остальных славян. Штур представляет себе будущую славянскую монархию самодержавною, с государственным советом из лиц от всех жуп (племён). Общей связью всех племён должны быть православие, преподанное первоучителями, и литературный язык. <...> Да, только Россия – и по своей истории, и по своему современному политическому положению, – может соединить в своем лоне разорванный мир славянский. Она отстояла христианство в борьбе его с исламом. Она же одна сложилась, выросла и окрепла в могучий организм, не нуждающийся ни в чьей поддержке. В ней светлое будущее славян...» [36: 336].

Эту тему А. Риттих позже продолжил в статье **«Объединённое славянство»** (Славянские известия. 1908. № 6. С. 230–252). Учитывая изменившуюся внутривосточную ситуацию в России, он скорректировал своё видение проблемы единения славян, а также предсказал состав противников и примерный ход боевых действий в грядущем военном столкновении двух сторон, причём раньше П.Н. Дурново¹⁰. А. Риттих писал: «...в преобладающем числе эти славяне по корню своего происхождения живут в России, которая теперь очень удручена собственными делами и не вполне ещё свыклась, определилась в своём новом строе самоуправления; к последнему, как к большой новизне в России, западные славяне относятся пока не достаточно доверчиво, привыкши издавна к тени того их хромающего парламентаризма, который они считали выше самодержавия, но упуская из виду, что он-то их именно обижал основательно, обессиливая всех славян, отнимая у них не только голос, но не признавая их даже за людей. Папа, Габсбурги и султан знали только себя и своих – славяне для них не существовали... А между тем без России такому объединению не обойтись, так как она давно сложившееся государство, сила с большим мировым голосом. С её представителями в славянстве

следует прежде всего прийти в соглашение, войти в справедливую любовную сделку и не требовать от них безусловного подчинения, невозможных уступок, которые не к лицу русскому народу, жившему независимо и самостоятельно не одну сотню лет, совершенно отдельно от западных славян, не раскаиваясь в этом, не завидуя участи своих братьев на западе и юге. Также следует принять во внимание, что всякие неосторожные шаги, ненужное задевание чужих, соседственных интересов несродных славянам народов могут всколыхнуть до противодействия, даже до вооружённого столкновения те четыре западноевропейские державы, в недрах которых живут теперь юго-западные славяне, и тогда вместо объединения возгорится такая гибельная война, которая принесёт всем больше вреда, чем пользы: общее разорение!.. Русскому государству теперь нужен покой, нужна большая работа и полное возрождение. Мы далеко ещё теперь не готовы взять на себя исключительно всю эту мало изученную и не испробованную работу объединения, которая не менее сложна, как примерно создание нового государственного организма, а тут таких столько же, сколько на свете славянских народцев с их наречиями, нравами, обычаями, верою и жизнью. Вопрос этот сложен, требуя очень большой работы, громадной энергии, таланта и знаний, и едва ли он окончательно разрешится в меньший срок, чем сколько потребовалось с возрождения западных славян, т. е. два поколения» [31: 3–4].

Есть ещё два центра, могущие объединить славян: «...вторая держава, с преобладающим славянским элементом, – Австро-Венгрия» и Балканский полуостров. Австро-Венгрия «за такое дело не может взяться; это было бы противно её крови и натуре! Ей дорог немецкий уклад, всякое начало славянского рабства. Её апостолическое католичество сгубило и поработило с давних пор всё западное славянство. А между тем в ней то покоится настоящее ядро возникшего вопроса, которое требует лучших дней и уже очень давно стремится к культурной самостоятельности; другая ему пока не по силам, ведь сбоку Германия с бронированным кулаком!» [31: 4].

Третья сторона, Балканы, с «запутанным клубком народностей и недоразумений между ними». А. Риттих считал, что «тут всё зависит от союза Болгарии, Сербии и Черногории и стойкости этих славянских народностей. Они могли бы отбросить свои вечные скучные пререкания и доверчиво протянуть руки для обоюдной обороны и этим способом установить тот устой на долинах бассейна Дуная, который на веки удержал бы напор как с юга, со стороны Турции, так и с севера – Австро-Венгрии» [31: 5].

Также «заинтересованы в славянском деле Германия и Италия. У первой проявилось желание проглотить всех славян, и это она до-

казывает теперь среди населения старой Польши». «Италия, в своём северо-восточном углу владеет небольшим словенским осколком, под названием резан, взамен чего часть итальянцев живёт в Тироле. Эти резане также достойны иметь свой голос среди словен, но об этом не заботятся славяне, и их ассимилируют итальянцы исправно, из года в год. Италия теперь пристально смотрит на противоположный берег Адриатики, на Албанию, которая её едва ли не больше интересует, чем вопрос об ирриденде!» [31: 5–6].

Изложенное как бы указывает, что центр деятельности, направление всех видов культуры не может быть в России, что, однако же, не мешает ей иметь в этом деле свой особый, веский голос. «В этом центре, в его руках, должна постоянно действовать испытанная опытом и очень честная демократическая работа, вполне сознательная, уравновешенная, экономная и с сильным, беспощадным по совести, контролем. Русские дела с нашею беспорядочностью и с поклоном во все стороны такому серьёзному делу не соответствуют. Мы ещё дети по демократической совести. Мы тщательно искали этот центр среди других славян с их городами и должны были остановиться на Чехии и её Золотой Праге» [31: 6–7].

А. Риттих предположил, что «славянские устроители» для решения вопросов Всеславянского союза могут заседать в Праге. Такое учреждение, по его мнению, «может быть только коллегиальное, с принятием решения трех четвертей голосов, имея в виду, что каждый решённый вопрос в славянских интересах будет иметь свой худой или хороший отклик за границу, у враждебных славянству народностей». Однако «следует выступать на арену славянской культуры осторожно и, сделав это, идти вперёд уверенно и не ходить в Каноссу». Риттих высказал мнение о примерном составе такого всеславянского совета с представительством от всех славянских народов, в т. ч. помимо русских (из империи), угрорусов, русских галичан и буковинцев. Было бы справедливо, по его мнению, включить сюда и голос карпаторусов (лемков, бойков и гуцулов). Он поднял вопрос о его содержании и описал планы по экономической основе Всеславянского союза. Он также предложил сделать русский язык «официальным всеславянским», ввести национальные языки в богослужение различных конфессий [31: 7–17].

Он привёл примерную численность сухопутных сил сторон при возможном вооружённом столкновении в Европе и примерный ход боевых действий. Он, в частности, писал, что у Италии «очень жидки финансовые средства, а особых выгод не предвидится». Говоря об экономической составляющей, А. Риттих упомянул: «...что касается денежных средств для ведения этой войны, то их ни у кого нет в на-

личности, разве они окажутся в Англии, да ещё в России, тот золотой фонд в 1 миллиард, который теперь хранится без употребления и пользы. За три месяца такой войны она обойдётся одной России, никак не меньше 3 миллиардов рублей, и это будет ещё очень милостиво» [31: 17–20].

Он предположил, что Германия нанесёт основной удар по России. «Поэтому на Вислу направится не менее 1 250 тыс. войск. Они, благодаря своей удивительно скорой мобилизации и отличным путям к нашей границе, займут налётом всё левобережье Вислы и двинутся через Восточную Пруссию, к Брест-Литовску и Ковне, в тыл. Однако крепости на Висле и укрепления на северо-востоке и немалая армия и громадная кавалерия противника, хотя бы иррегулярная, заставят германскую армию остановиться. Может даже случиться, что Восточная Пруссия до Вислы очутится в русских руках. Флот германский для десанта в Прибалтийском крае будет бездействовать, его парализуют англичане, отчасти Дания и мы; это нам будет возможно. За три месяца войны у нас будут крупные неудачи, но крепости будут отстаиваться, а армия ещё сильна, получая подкрепления с тыла». Движения германской армии в духе Наполеона не получится, т. к. «Германия начнёт уставать, а 2/5 её населения – голодать! Подвоз жизненных продуктов, в особенности из России, неминуемо прекратится, а без этого жить в Германии невозможно. Остальные пути снабжения будут накрепко заперты!» [31: 20–21].

А. Риттих считал, что Россия «кинет на Вислу, хотя бы с опозданием, не менее 1 250 000 войск и много кавалерии; последняя постарается двинуться за пределы границы, наделав там немалых бед. Со стороны Кёнигсберга она станет действовать наступательно, опираясь на крепости Ковно, Осовец и Брест-Литовск. Получится ли из всего этого Цорндорф или Кунерсдорф, неизвестно, но, должно быть, правая сторона Вислы до устья будет в руках русских» [31: 21–22].

Касаясь положения Франции, А. Риттих предположил, что Германия против неё направит не менее 1 млн войск. Введение Францией двухгодичного срока службы «да та неурядица мыслей, направлений и поступков, какие теперь замечаются во Франции, дают повод думать, что французы будут подавлены вторжением немцев. Однако Седана все-таки не будет, и до Парижа не дойдут: нет Бисмарка и Мольтке! Хотя и у французов теперь нет Наполеона I». Он отметил, что «тут сражения будут, боины, но они не решат участи Франции, и в силу общего театра войны может случиться, что германцы подадутся назад, к Рейну» [31: 21].

По мнению А. Риттиха, «Германии эта война не обещает лавров, напротив, приведёт к истощению, и потому не следует удивляться,

что даровитый император Вильгельм II делает вид, что всегда готов сразиться, тогда как в сущности он только мирно обороняется! На союзников – Австро-Венгрию и Италию – надеяться рискованно: первая разлагается, а вторая далеко и имеет свою минутную задачу – оборону. Для Германии всё зависит от того, как пойдут её военные дела на Висле» [31: 21]. А. Риттих отметил, что «узел всех битв, Косово поле, случится у Балкан» [31: 22].

Он считал, что «такая бойня в Средней Европе продолжаться более 90 дней не может (Первая мировая война продлилась 4 года 106 дней. – С.С.). Ведь все будут разорены и истощены до крайности! Государственные долги, внутренние, возрастут непомерно, и все скопления за сто лет, богатства культуры исчезнут, как ледяной покров весной! Торговля, обмен товаров, жизненных припасов совсем прекратятся. Из строя борющихся сторон свыше 11 млн лучшего населения Европы убудет убитыми, ранеными и больными до 3 ½ млн, причём одних убитых будет свыше миллиона (потери в Первой мировой войне составили около 9 млн погибших в боях и более 5 млн мирных жителей. – С.С.)! В наиболее лучшем положении очутится Англия и незатронутыми – С.-А. Соединённые Штаты. Последние со свободными руками захватят оба океана: Великий и Атлантический и невольно опять обратятся в посредников и заставят приостановить военные действия. Снова соберётся конгресс, вроде Венского или Берлинского, вероятно, в Америке, и начнётся тот раздел, который переиначит карту всей Европы! Поплатиться должны будут Австро-Венгрия и Турция из-за славянского вопроса, за славян, которым они причинили столько зла» [31: 23].

Россия, по его мнению, «освободив окончательно славян, соберёт свои русские земли, возвратив себе Владимирову Русь до р. Сана, Карпаты и угрорусов до р. Тиссы и окончательно объединится. Но зато она легко может потерять все своё побережье у Тихого океана, причём Чукотский полуостров перейдёт к засевшим там американцам! На Кавказе она может получить для округления своих границ, Баязетский округ. Босфор не станет более препятствием для выхода черноморского флота в Эгейское море» [31: 23].

Англия заберёт себе почти все германские колонии. Франция, вероятно, отстоит Лотарингию и получит Люксембург. Италия получит своих итальянцев в Тироле и, может быть, Истрию. Турция очутится за Босфором, в Малой Азии. Все юго-западные славяне Турции и Австро-Венгрии, освободившись, пожелают, по всей вероятности, управляться сами, конфедеративно и не под эгидою русского орла. В эту новую конфедерацию войдут как равноправные члены Венгрия, Румыния и Греция. Это новое государство со столицей в Константинополе, будет

относиться к России с благодарною памятью, но станет оберегать свои интересы настолько же, как это делает теперь Италия по отношению к Франции. Во всяком случае, это новое царство не удивит свет своею неблагодарностью, как то сделала Австрия, за что сама судьба сулит ей достойное возмездие [31: 23–24].

В 1895 г. были изданы «**Четыре лекции по русской этнографии**» А. Риттиха. Как он писал в предисловии, «предлагаемые лекции по независимым от автора обстоятельствам не могли быть осуществлены». Этот «долголетний труд автора над вопросами русской этнографии принадлежит к эпохе борьбы действительности с отрицанием (нигилизмом. – С.С.), к периоду 62–81 годов» [39].

Он, в частности, отметил, что «для того, чтобы осмысленно обнять православие, его необходимо понять, а это возможно единственно чрез посредство русской школы, теперешней приходской, где одновременно с изучением языка идёт такое же по закону Божию. Обратить татарина, алеута, айноса или манзу в православного, давая им понятие о началах христианства на их языках, не значит ещё сделать их всех русскими людьми. Все они будут православными, христианами, но далеко не русскими. Точно так же сербы, болгары, черногорцы православные славяне, к которым следует причесть тех православных буковинцев и угрских славян, которые сами признают себя за русских, так как некогда при Владимире Св. они входили в состав русского государства. Румыны так же православные, но они не призадумались даже примкнуть к Западу, а униаты Галиции, эти русские люди князей Даниила и Романа, признающие папу, уж очень отделились от нас» [39: 15].

Говоря о Бессарабии, «лакомом для Румынии кусочке», А. Риттих напоминает, что «румынская земля была некогда чисто славянскою, но в силу исторических обстоятельств огрекорумынилась» [39: 60]. Касаясь ассимиляционных процессов, он отметил, что «от смешанного брака с русским, что легко по единоверию, всегда оказывается лишний румын на лицо». «Так древний Рим и древняя Галлия, соединившись воедино у устьев Дуная и приняв в себя до $\frac{3}{4}$ славянского элемента, стоят теперь на страже против нас и своими укулами комаров и мошек, немало тревожат старого медведя, у которого под одним из его пальцев лежит Бессарабия, где уезды Оргеевский, Сорокский и Ясский имеют преобладающее румынское население. И тут, чтобы ослабить аппетит соседей, необходимо позаняться русскими школами и языком и восстановить память древних тиверцев, поглощённых звучностью румынского языка и ассимиляционной способностью римлян, поработивших Дакию, но и отказавшихся от неё чрез столетие – гиганту это оказалось тогда не по силам» [39: 61].

Касаясь темы «немецкого порабощения кельто-славянского элемента», он напомнил, что эта «дальновидная политика германского племени продолжается и теперь в Африке» германцами и англичанами. Началась такая политика со времён Карла Великого, когда непокорённые страны включались в виде мархий (пограничных областей Каролингской державы. – С.С.) – старой, новой, виндской и т. д. – уже считались принадлежностью государства, хотя до осуществления такого помысла было ещё далеко». В настоящее время продолжается то же самое: «...за мархию считают Царство Польское, Прибалтийский край, а от них идут разведки во все стороны до Москвы, Петербурга и Киева на тот случай, когда б Илья Муромец заснул, чтоб тогда его выбросить не только за Днепр, но сопричислить к народам Азии, живущим за Волгою. И после этого станут нам понятны эти множества планов кампании разных Сарматикусов, эти союзы, травли русских и все то, что мы испытали во время этого доброго времени, дружбы с Германией с 1854–1881 год. Нас обошли, одурачили» [39: 63].

Автор объяснил, почему это, по его мнению, произошло: «Россия, не поняв всей глубины мысли своего великого преобразователя, усвоила себе только наружную форму цивилизации и, в силу судеб, попала в руки иностранцев, пред которыми преклонялась, считая их за учителей и правителей. Во главе последних стоит герцог Бирон. А далее шло то же самое, до забвения России и предания её и всех её интересов, на пользу не русского человека, а вообще человечества, что и разразилось идеей Священного союза, длившегося до крымской компании. Тогда прозрели, но уже было поздно! Учение Лагарпа и нашего слащавого певца Жуковского, питомца XVIII ст., также принесли свои неспелые плоды. Идеи Фихте, Канта, Гегеля и Клопштока с наукою нашей немецкой академии одинаково немало работали не в пользу русского дела, тогда как проповедники в роде Жан-Жака Руссо, Вольтера, Дидро, Байрона, Шиллера, Гёте, Кернера и Гейне, за отсталостью и отсутствием собственных у нас писателей и критиков, окончательно вскружили всем головы, и наша интеллигенция с правителями, забыв царство и народ, умственно совсем переселилась на Запад. А одновременно совершаются великие события при Екатерине II: падает и делится Польша, Россия завладевает Чёрным морем и русская царица едет по Днепру осматривать свои новороссийские владения, целое царство степей, украшенное по берегам Днепра декорациями городов, сёл, деревень и замков» [39: 63–64].

А. Риттих пишет, что заселение началось «всякими народностями: греки, сербы, вlahи и молдаване, французы, итальянцы и шотландцы – всё пригодно, чтобы ожили степи и эти Запорожские острова, которые тогда же были отданы немцам». Причём выходцы колоний

в Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Саратовской, Самарской и Бессарабской губерниях «считают своею родиною Германию и Швейцарию; тут встречаются имена всех швейцарских кантонов, множество баварских, виртембергских и баденских. Однажды такое начало было положено, в новую страну потекли немцы северной Германии из Ганновера, Ольденбурга, Мекленбурга, Саксонии, Пруссии и т. д., причём все они назвали свои селения именами сражений за освобождение 1813, 14 и 15 годов». После Польского восстания 1863–1864 г. «возбуждённый в прусских головах вопрос о марших вызвал своё действие под непонятным покровительством русских властей! Желая укротить умы, повернуть их в другую сторону и не зная, что во всём этом польский народ ни при чём, напустили немцев, колонистов по левую сторону Вислы, без принятия подданства, и вот эти немцы начали работать на пользу Германии» [39: 64].

Затем «были пущены преднамеренно колонии от Тильзита к Курляндии и от Волочиска к Киеву, по шоссе. А так как в Привислянском крае и без того было много немцев по наследству от Пруссии и Австрии, то и выходит теперь, что они все вместе, с этими безнадёжными для нас евреями, представляют из себя неудобную для нас нравственную массу, которой противопоставлены русские штыки. Дело это поправляется, но идёт медленно, и закон обходится» [39: 65].

Говоря о баронах Прибалтики, А. Риттих напомнил, что «их множество, помимо своей службы в России и особых правителей края, которыми умело они пользовались, все смотрели в лес, оглядывались на Германию и обращались с Россией безбожно нагло и неумно, народив в своих рядах таких предателей как Ширен, Бок, Этингер и другие». «Вот этот то фальшь: служить своему царю и отечеству, пользоваться всем и даже больше, чем русские, и одновременно якшаться с нашими врагами, действовать нам во вред, вот это-то не может быть прощено и послужило причиною тем преобразованиям, которые случились ещё недавно по Министерству юстиции и народного просвещения и которые в конечном результате вернули Дерпту своё прежнее название Юрьев, а Динабург обратился в Двинск» [39: 65].

«Самому государству ни те, ни другие (немцы и колонисты. – С.С.) по своей обособленности видимой пользы не приносили. Народ от них ничего не мог заимствовать по той же причине; всё это жило только для себя и для своей выгоды, сносясь постоянно с заграницею, откуда черпались идеи антигосударственные, откуда получались профессора, учителя, пастыри, шульце (старосты), немецкие книги, газеты и воззвания, и портреты Вильгельмов, Бисмарка и Мольтке, а о нашем царе, нашем языке не было и помину. Вот это-то и обидно и терпимо быть не может, и этого то не сообразили те немцы: дворяне, колони-

сты, купцы, профессионалисты, которые так долго пользовались всеми благами русского государственного покровительства» [39: 65–66]. Нельзя не упомянуть, продолжил А. Риттих, что «строгостью жизни, дисциплиною общины и благодеяниями правительства колонисты скопили большие общественные капиталы, которые даются взаимы благонадёжным членам и общинам за весьма ограниченные проценты – от 2–3. Этими деньгами скупают земли, большие поместья, завоёвывая себе мирным путём русское достояние, до вытеснения русского хозяйства из природных земель. Вот почему закричали екатеринославские дворяне, которые неожиданно очутились окружёнными со всех сторон немецкими колониями, вытеснившими русских рабочих; и это идёт прогрессивно из года в год и в действительности угрожает тому, что целая губерния может очутиться в руках людей, хотя бы и отсталых от теперешней немецкой культуры, но крепко придерживающихся всего нерусского» [39: 66].

Говоря о немцах-ремесленниках, живших «по всем городам России» начиная со времён правления Иоанна IV, автор отметил, что «они жили целыми слободами в городах, но с течением времени слились и вошли в состав городского населения, немало потрудившись над разными ремёслами и немало обучив тысячи русских мастеров. Это был народ способный, знающий и говоривший и говорящий на русском языке хорошо, потому что работал с народом и он ему близок, и их никак нельзя смешивать с колонистами и торговцами» [39: 66].

Он коснулся вопроса «тех неподданных, которые под покровительством своих консулов, делая своё дело, вредят нам немало». Автор высказал мнение, что «теперь вся Россия покрыта этими немецкими комиссионерами, которые, комиссионерствуя для своих торговых фирм, вместе с тем занимаются разведкой всего того, что полезно их государству, их войску, стратегии, дипломатии, большому Генеральному штабу. Едва ли в последнем не больше сведений о России, чем у нас самих, так как о своих труднее говорить, чем о врагах!» [39: 66].

3 декабря 1901 г. А.Ф. Риттих прочёл лекцию офицерам армии и флота [21: 217] в «Обществе ревнителей военных знаний». Статистические таблицы и схема расселения юго-западных славян, составлявшие приложения к сообщению, вышли отдельным изданием **«Славянские наречия XX века в Юго-Западной Европе»** [35]. Здесь наряду с другим славянским населением даются сведения по численности и расселению русинов (русского населения) Австро-Венгрии.

Он разделил её русское население на следующие группы:

а) Угрорусы. В Северо-Восточной Венгрии под Карпатами. 620 000 чел. (все униаты). Между униатами встречаются православные. Язык украинский киево-волынский (народный);

б) Украинцы-галичане (русины (опечатка, русины. – С.С.), или рутены). От Сана и Бескид до русской границы и Буковины. 3 009 151 чел., из них 2 723 151 униат, 286 000 католиков. Между униатами есть православные в небольшом количестве;

в) Лемки. В горах Бескид и Карпат. 90 000 чел. (униаты);

г) Бойки. В лесистых Карпатах. 80 000 чел. (униаты);

д) Гацулы (опечатка, гуцулы. – С.С.). В лесистых и горных Карпатах 110 000 (униаты);

ж) Буковинцы. В Буковине, по границе с Россией. 225 000 чел. (православные);

з) великороссы. В Буковине (Белой Кринице) и Восточной Пруссии на границе с Россией, около Лыка. 6 500 чел. (старообрядцы). Из них 3 500 чел. – в Белой Кринице и 3 000 чел. – в Пруссии.

Всего русских в Австро-Венгрии (и в Восточной Пруссии), по мнению учёного, было 4 140 651 чел. [35: 6–7].

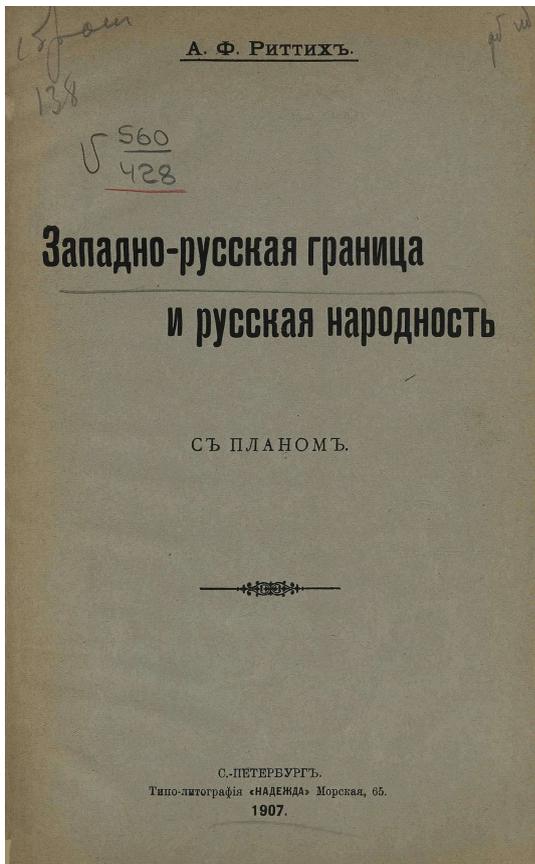
В названиях этнических групп (украинцы-галичане, гацулы, буковинцы) присутствуют неточности или опечатки. К примеру, буковинцы – это всё население края, а русское население – русины (руснаки), в составе которого были и гуцулы. Впрочем, и среди «угрорусов» наличествовали местные гуцулы, бойки и лемки. Несмотря на это, его сообщение было одним из немногих в то время, информирующих российскую общественность о русинском населении Австро-Венгрии.

Свою статью **«Западно-русская граница и русская народность»** (Русская старина. 1907. Т. 130. Май) А. Риттих начинает с краткой истории, где он касается волнений на Украине в 1768 г., войны с Турцией, противоречий с Австрией, разделов Польши. Касаясь истории Древней Руси и её границ, он пишет: «Если посмотреть на чертёж юго-западной границы Владимировой Руси, то окажется, что эта граница та же по народности, как и в наше время Червоная Русь в Седлецкой и Люблинской губерниях такая же, как ныне по народности, т. е. русская. Река Сан в Галиции, как и ныне, отделяет русскую народность, язык от польской народности. Города Ярославль и Перемышль существовали тогда уже, существуют и ныне. Утрачена полоса народности за Саном у Пряшева и Слана. За то исхудалое до нищенства русское население по Карпатам – гуцулы, лемки и бойки – держатся, изнемогая от нищеты. Далее граница Владимировой Руси заходила за Карпаты, до рр. Тёплой и Тиссы, где на всём пространстве, живут поныне угрорусы, столь угнетённые теперь венграми. Владимирова Русь кончалась на р. Серете и Быстрице, сливаясь с Киевскою Русью. Вот эта-то Галиция с прилежащими странами к югу и западу досталась Австрии задаром, по первому разделу, с 3 млн русских жителей. Эту землю с населением объевреили и обвенгерили, насколько хватило сил, но, тем не менее,

не могли уничтожить русский народ. Он, свалившись уже, все ещё держится, несмотря на страшное давление, игоподобное, и терпеливо выжидает помощи со стороны России и русского народа с востока. И есть надежда, что когда-нибудь это случится, так как другой задачи у нас на западе не имеется...» [22: 372].

Он говорит о присоединении части Руси к Литве, объединении Литвы с Польшей, притеснениях русского народа, Брестской унии и его порабощении, деятельности иезуитов, о «противодействии католичеству и польщизне» Петра Могилы, казачестве, Богдане Хмельницком, присоединении Царства Польского к России, бунтах 1831 и 1863 г.

Говоря о подавлении восстания 1863 г., А. Риттих отметил: «Спасли Россию от позора ум и твёрдость М.Н. Муравьёва. Это был для того времени великий русский человек, который не жалел крамольников, зачинщиков, ксёндзов, польскую знать, но вместе с тем он знал убеждённо, что делал, за что карал. Казнённых, сосланных, заключённых, было немало, а всё-таки их было гораздо меньше, чем в Киевском и Варшавском генерал-губернаторствах. Он своими разумными распоряжениями сумел обуздать мутителей – ксёндзов и всё католичество, опекая православие с его народом; он унял панство со шляхтою, указав ей границы своего хозяйничанья, и обложил всех землевладельцев поляков 10 % сбором, т. е. ударил по тому карману, который давал средства к восстанию» [22: 388].

Титульный лист исследования А. Риттиха «Западно-русская граница и русская народность» (СПб., 1907) [22]

Автор, кстати, подчёркнул, что «везде собственно народ – белорусы, малороссы и поляки – не принимали участия в бунте и восстаниях» [22: 389] (что, к сожалению, игнорируют многие исследователи. – С.С.).

Заканчивает он краткую историческую справку изложением следующих событий: освобождение крестьян в 1861 г., зависимость крестьян от помещиков (в Западном крае в основном помещики были поляками. – С.С.), введение земства в западных губерниях, введение Закона о веротерпимости, отпадение от православия в Холмщине. Он приводит численность русского населения в западных губерниях. По переписи 1897 г. в 9 губерниях западно-русского края жило 19 929 000 чел. «Из этого числа русских всех трех наречий – великоросов, белорусов и малоросов – считается 68,50 %, или 13 792 610 д. об. п. Всех великоросов, по преимуществу старообрядцев – 216 026 – 1 %. Остальные 31,50 % инородцев распределены между 18 языками и наречиями, причём на литовцев приходится 11,93 %, или 2 378 529 д. об. п.; на поляков – 5,45 %, или 1 096 130 д. об. п. и на евреев 11,79 %, или 2 349 029» [22: 391].

Касаясь «восточной полосы Привислинского края, Забужья и прусской границы», А. Риттих сообщил, что «в 1864 г., когда при руководстве Н.А. Милютина перестраивалось Царство Польское после восстания, в тогдашней Люблинской губернии, теперешняя Седлецкая и Люблинская губернии, имелось 256 униатских малорусских приходов с населением в 215 484 д. об. п. Кроме того было там 12 православных приходов с населением в 4 723 д. об. п.». В Августовской губернии, преобразованной в Сувалкскую и Ломжинскую, в 1864 г. было 4 униатских белорусских прихода и 2 моленные старообрядцев, великороссов Сейненского уезда, с униатским белорусским населением в 8 751 чел. и 6 329 старообрядцев-великороссов. Всего в нынешних 4 восточных губерниях Привислинского края в 1864 г. было 224 225 малороссов и белорусов и 6 929 великороссов. В 1875 г. все униаты с их 268 приходами были воссоединены с православием, и «старая граница Владимировой Руси, Червлёные города, сделались опять вполне русскими по вере и со своим русским языком» [22: 394].

За эти 30 лет православное население Люблинской и Седлецкой губерний увеличилось до 319 058 чел., вместе же в четырёх губерниях дошло до 344 248 чел. До 150 000 чел. отпали от православия и приняли католичество. А. Риттих обратил внимание «на полнейшее попустительство русской власти и печальное понимание своих обязанностей как русских чиновников, так и управителей в губерниях». 194 248 православных остались «верными религии своих отцов, достойны того, чтобы на них обратили не только внимание, но и защитили бы их от открытых нападок католицизма и фанатического

произвола хозяев – панов-католиков, землевладельцев. Казалось бы, что губернаторы с высшим православным духовенством в Холмской епархии с помощью уездных начальников и их помощников, да православные церковные клиры могли бы знать положительно, сколько именно отпало, сколько у них осталось в православии и сколько обиженных, батраков, выгнанных панами и католическим духовенством, с работы, с заработка насущного хлеба только за то, что они православные? Этим пострадавшим как духовно раненым, в борьбе за веру следует помочь средствами, отысканием работы защитой против всех напастей всяких фанатиков-католиков». Он посоветовал русской администрации и православному духовенству Холмской епархии действовать так, как действуют польские общества в Познани против немцев [22: 394–395].

А. Риттих обратил внимание, что в западных губерниях и Привислинском крае поляки считали «всякого католика поляком», упомянув, что среди католиков есть литовцы (866 тыс.), жмудины (448 тыс.) и русские. Количество русских католиков (малороссов и белорусов) здесь дошло, вероятно, до 1 368 000 чел. В четырёх губерниях Привислинского края их было 251 900 чел. В то же время «закон о веротерпимости теперь не требует уже, чтобы русский человек был непременно православным; ему разрешается в ущерб православия, быть всякой дозволенной в государстве веры. За то поляки, католическое духовенство с епископом Роопом во главе усиленно охраняют свою польскую национальность, считая всех русских католиков за поляков. Этим способом число поляков увеличится более чем на целый миллион душ. Тем не менее домашний язык, родной, остаётся русским, а с разрешением теперь проповедовать и молиться на своём родном языке, эти люди, вероятно, не отпадут от своей народности» [22: 397–398].

В 1911 г. в двух номерах журнала «Русская старина» опубликован исторический очерк А. Риттиха «Обиженный край» [29], который затем вышел отдельной брошюрой [30]. Здесь он кратко излагает историю «основы теперешнего Русского государства», «первородной России, Западного края», территории «теперешних 8 западно-русских губерний, включая в это число Виленскую губернию» [29: 61–62] начиная с XII в. Он описывает ситуацию, сложившуюся на Западной Руси после татаро-монгольского нашествия: «...вся Угорщина, Закарпатская Русь, отошла от внуков Мономаха, обратившись в достояние венгров, и кой-как ещё удержалось Галичское княжество при князьях Данииле и Романе, но и оно с прекращением династии, было захвачено польским королём Казимиром в 1340 г.». Литва, не пострадавшая от татар, укрепшая ещё при киевских князьях, «вос-

пользовалась погромом России и начала исподволь присваивать себе земли по соседству, подчинять себе удельных князей, кое-как ещё выживавших по Западной Двине, Неману, Припяти, в теперешних Виленской, Гродненской, Минской и Волынской губерниях. Так, будто незаметно сформировалось к XIV ст. новое Литовско-русское государство, в котором преобладающее русское население» [29: 63]. Автор пишет, что «опаснейшим врагом» новой Московской державы был литовско-русский великий князь Витовт, тесть великого князя Московского и Владимирского Василия Дмитриевича [29: 64].

Он показывает историю русско-литовского государства до династической унии и создания польско-литовского государства [29: 64–66]. После Люблинской унии и образования Речи Посполитой «русские княжества и земли были прикреплены чрез Литву к Польше», начались гонения на православие, русское боярство, чтобы сохранить привилегии, переходило в католичество. Он упоминает о борьбе за сохранение православия (создание братств, в т. ч. Львовского, которому вселенский патриарх подчинил все остальные, а также дал братству право, по утверждённому им уставу, отлучения от церкви, в т. ч. и епископов). А. Риттих говорит о роли князя Константина Острожского, митрополита Петра Могилы в сохранении православия на Западной Руси [29: 66–70].

Затем «с постепенным присвоением Польшей русских земель и введением в них польского законодательства, со всякими привилегиями для католиков, признающих только польское право распоряжаться и владеть землёй, все русское погребло из столетия в столетие, и уже обедневшие княжеские семьи, бояро-дворянские роды, члены княжеской дружины успели войти в состав шляхты. Все крестьяне к концу XVI века уже находились в положении рабов и хлопов, зависели всецело от воли своего пана, и ополячение русского шляхетства пошло вперёд быстрыми шагами. Некатоликам не предоставлялось никаких коронных должностей. Для этого пошли в дело такие меры, как лишение чести и покровительство законов, а с другой стороны награды в разных видах, до владения доходными имениями и покорным хлопом. Ко второй половине XVII века русская шляхта забыла свой язык и веру. Эта причина оттолкнула от них народ, а одновременно разразилось среди панов что-то в роде болезни, небывалая дотоле роскошь» [29: 70–71].

Для того чтобы жить в роскоши, стали ещё больше обирать крестьян: «5 дней работы на пана и 2 на себя; за улей, вола, помол они также платили отдельно. Но и этого было мало, и окатоличенная русская шляхта, равно как пришлые поляки, нашли справедливым войти в тесные сношения с евреями и армянами, которым сдавали

православные церкви в аренду. И начал этот беззащитный народ платить за вход в свою церковь при крещении, за венец, погребение, за исповедь и за всякое богослужение своего рода церковную пошлину. Церкви сдавались паном в аренду еврею, который за это уплачивал пану дорого, но затем был как бы собственником церкви. И полуголодный без того народ терял таким образом последнее, свою душу, веру, обращаясь действительно в скот, быдло, и он ненавидел своих панов, чувствовал глубоко это иноземное порабощение и начал толпами уходить, бежать в привольные южные и западные степи, где в то время хозяевами были запорожцы и малороссийские казаки. Эти казаки, возникая на востоке Польши как бы для охраны её земель от турок и крымского хана, при Сигизмунде I в 1516 г. получали свои привилегии на вольное владение землями». Начались «кровавые восстания в конце XVI и в первой половине XVII века. Это восстание слилось, совпало с гонением за православную веру во всём казачестве», и «интересы казаков частью слились с понятием о русской свободе и её народности» [29: 71–72].

Далее автор рассказывает о личности Богдана Хмельницкого и восстании, поднявшем «всю Русскую Украйну¹¹», присоединении Левобережной Украины к России, войне со шведами в союзе с польским королём Августом II. К сожалению, улучшений в жизни западно-русского населения не произошло. А. Риттих описывает последние годы польского государства, выборы королей, вмешательство во внутренние дела королевства других государств. Фридрих II присоединился к требованиям Екатерины II о даровании диссидентам (некатоликам) равноправия с католиками. Польский сейм вынужден был подписать в 1768 г. «трактат, по которому давалась свобода вероисповедания диссидентам, уравнивались политически-гражданские их права с католиками». Далее он пишет о разделах Польши, ликвидации Запорожской Сечи, возвращении униатов из вновь присоединённых земель в православие, польском бунте 1830–1831 гг., реформах после неудачной Крымской войны (особенно о крестьянской реформе, в ходе которой в 1861 г. упразднили крепостное право в России), имевших особое значение для западно-русского края, новом польском восстании 1863–1864 гг. В последнем приняли участие «не только всё дворянство, шляхта, но ксёндзы, женщины и даже дети» [29: 72–87].

Вторую часть очерка А. Риттих начинает с описания деятельности графа Михаила Николаевича Муравьёва. «Во время мятежа 1831 г. он успешно действовал против банд в Витебской, Минской и Виленской губерниях, производил следствия о политических преступниках и вводил русское гражданское управление в Белоруссии. Он же ратовал о введении русского языка во все учебные заведения в

западно-русском крае и о закрытии Виленского университета¹², а также об устранении католического духовенства в образовании и воспитании юношества» [29: 303].

Говоря о деятельности М. Муравьёва во время восстания 1863–1864 гг., исследователь отметил, что «1 мая 1863 г., когда наши власти совсем растерялись от повстания, которое прозевали, и уже готовы были отдать Ц. Польское Пруссии, ухватились за Муравьёва как за спасителя погибающего русского дела. Он был назначен генерал-губернатором с диктаторскою властью семи с.-западных губерний, включая Августовскую. Польским кинжальщиком и жандармам-вешателям он ответил сожжением польских деревень и околиц и ссылкой в Сибирь целыми семействами, до 5 000 душ. Имения секвестровались; таких было до 1 250, и продавались обязательно русским. Конtribusiция с имений и 10 % сбор достиг 2 600 000 р. в год. Католическое духовенство в смысле взысканий и наказаний подверглось общей участи восставшей шляхты и дворянства, которая заплатила за все расходы по повстанию и обязана была держать вооружённую сельскую стражу по всем губерниям, что обошлось ему до 800 тыс. руб. Было ещё и много других мер для унятия расхोдившегося повстания, что привело в совокупности в ноябре 1863 г. к тому, что оно притихло и улеглось, оно было в корне подавлено, не только в губерниях под управлением М.Н. Муравьёва, но по его же примеру в Юго-Западном крае и в Ц. Польском. Для русского государства, для сохранения его целостности, и чтобы не было повадно в будущем, это была громадная заслуга графа М.Н. Муравьёва. В 1864 г. он удалился от дел и умер 70 лет в 1866 г.» [29: 304].

Последующие преобразования во всей России (введение гласного суда, всесословная воинская повинность, отмена откупов и замена их акцизным управлением, новый режим по народному образованию, основание церковно-приходских школ) вместе с «наплывом русских помещиков и чиновников в западно-русский край изменили несколько его физиономию и заставили польских помещиков и шляхту несколько присмиреть, но, увы, не надолго!». Поляки «после тех вольностей, которыми они никогда не пользовались при своих королях и ещё при императоре Александре I, не могли помириться с тем, что случилось; они всё ещё подумывали о своём королевстве от моря до моря». Автор напоминает о покушении на императора Александра II в Париже 25 мая 1867 г., «когда поляк Березовский стрелял в государя» [29: 305].

А. Риттих напоминает, что с «учреждением в России двух палат – Государственной Думы и Государственного совета – в первой поляки защищали своё дело до того умело, что большинство Г. Думы с трудом

удерживало свою русскую позицию, своё русское дело и теперь вопрос о Холмщине после 2 лет рассмотрения в комиссии отложен в долгий ящик. А в Государственном Совете представители от 8 губерний, оказались поляки. Здравый смысл не может верить в такую аномалию, а она такова. Чтобы это исправить, было предложено ввести в 6 губерниях западно-русского края земство на одинаковых началах, как оно действует во внутренних губерниях. Этот проект благополучно прошёл, с некоторыми, впрочем, существенными изменениями, через Государственную Думу. Закон был отвергнут из-за уменьшения ценза и введения курий, т. е. выборов по национальностям в Г. совет (помещики польского происхождения выделялись в отдельную избирательную курию. – С.С.)! Тогда палаты были распущены на 3 дня, и за это время земство, по проекту Государственной Думы, введено в крае, в 6 губерниях, по 87-й статье»¹³ [29: 308].

Имея в виду настроения, царившие в российском обществе, А. Риттих писал: «Русский космополитизм, марксизм, незнание России и её народа, вечная рознь и упрямство взяли верх над государственностью и национальной идеей. Общество не хочет и не может понять, что Россия может жить только с таким духом народа, как было при царях Иоанне III и Алексее Михайловиче. Западно-русский край, этот громадный плацдарм, где разыгрывались разорительные войны, как-то вторжение поляков до Москвы, поход Алексея Михайловича до Гродно, Северная война, походы Ласси, Миниха, князя Салтыкова, Суворова, 12-й год, восстание 1831 и 1863 годов, этот край требует теперь особой заботы, попечения о себе, иначе он легко может сделаться достоянием немцев, даже австрийцев и, чего доброго, поляков. Не напрасно же они мечтают о своём государстве от моря до моря!» [29: 308].

Автор ставит вопрос о том, «как удержать эту нашу родную национальность в западно-русском крае». Он приводит результаты переписи 1897 г. по западно-русскому краю: общее количество населения в 9 губерниях (Ковенской, Витебской, Могилёвской, Киевской, Подольской, Волынской, Гродненской, Минской, Виленской) – 20 211 000 чел., около 25 млн в настоящее время. Русского населения по языку по переписи 1897 г.¹⁴ – 14 155 992 (68,34 %), около 17,5 млн чел. в настоящее время. Преимущественно это крестьяне, которых насчитывалось по переписи 14 966 210 чел. (75,75 %). Поляков по переписи – 885 362 чел. (5,04 %). Православных – 12 624 078 чел. (59,50 %), 16 млн в настоящее время. Старообрядцев – 223 722 (1,42 %). Католиков – 3 613 748 чел. (22,88 %), из них «свораченных католиков, русских» – 1 390 171 чел. (8,80 %). Получается, «собственно прирождённых католиков» – 14,08 % от всего населения. Среди

католиков также 2 527 380 (17,39 %) не поляков – литовцев, жмуди, латышей. Протестантов¹⁵ – 226 700 чел., евреев – 2 608 726 чел. (13,28 %). Дворян, в основном поляков, всего 481 666 чел. (2,82 %). Показав, что большинство населения края «крестьянство, по преимуществу русской речи, православные и по крови, однородные с нами», А. Риттих указал, что «теперь настало время позаботиться о них ещё больше». Он считал, что «русский народ должен быть взят крепкою русскою властью под свою особую защиту, с проведением широко национальной идеи как единственной, с которою возможно ещё долго прожить. Местные деятели, близкие к народу, как мировые судьи, земские начальники, исправники, становые и все им подобные, должны быть непременно из числа русских, честных, неподкупных деятелей». Также он предлагал учредить в городах и местечках «наёмные для рабочих конторы, где собирается артель под началом старшего артельщика, непременно из русских. С ним разговаривает экономия или завод, чрез него выдаёт заработную плату, с него требует, а не с единичных рабочих, до которых не касаются штрафы, взыскания и всякие пререкания. Тогда будет порядок, законный ответ, и рабочий люд не будет обижен» [29: 308–321].

По мнению А. Риттиха, «Северо-Западный край темнее, запуганнее, гораздо смиреннее, чем Юго-Западный край», поэтому ему нужно уделить большее внимание. Создание Белорусского вспомогательного общества с резиденцией в Петербурге и с отделами в белорусских губерниях обеспечило бы, по мнению автора, «защиту, помощь народу, с устранением всякого обмана и насилия». Здесь необходимо также обратить на школу, «но не такую, где учат читать, писать и счетоводству с 4 правилами арифметики; такая грамотность или, вернее, полуграмотность производит дурных писарей, говорунов на сходках, полупьяных ходатаев и, наконец, слишком часто глупых крикунов. Школа должна иметь вполне полезное направление, которое состоит в том, чтобы развить простолюдина со стороны национальной, в любви к отечеству и престолу, а это достигается некоторым понятием по истории России, её географии, которые в интересных рассказах и с разумными руководствами легко понимаются и слушаются детьми, да и взрослыми с восторгом. Школа эта обязана учить сельскому хозяйству практически и теоретически. Она должна иметь свой ремесленный отдел в роде обучения портняжному, сапожному, столярному, токарному, кузнечному, слесарному и другим мастерствам». Для того чтобы поднять «приниженное крестьянство», «для независимого существования белоруса» он предложил вести систему мелких кредитов, хотя бы не более 50 руб. на руки, «под ручательством на три года». Этот кредит освободит крестьян от ростовщиков [29: 321–323].

Завершается очерк критикой украинофильства (приводим отрывок полностью, т. к. здесь автор высказывает свою позицию): «К особенностям Юго-Западного края следует отнести появление там с 60-х годов XIX ст. украинофильства, сильно теперь подогреваемого австрийскими агентами. Это дело с обществом Шевченки во главе, какую-то оперою Наталки-Полтавки и ограниченным числом фантазёров, полагающих, что Малороссия, малороссы составляют что-то особенное со своим неразработанным наречием и своими чумаками, может самостоятельно существовать, не нуждаясь в общем отечестве – России! Никогда они самостоятельно существовать не могут, и это доказано удельными князьями времён Андрея Боголюбского и потом татарщиною, а далее Литвой и Польшей, которые все её громили, покоряли и уродовали вплоть до присоединения Малороссии в 1654 г., а затем и Украины при Екатерине II. Даже эти 60 тыс. реестровых казаков с Хмельницким во главе чуть-чуть что не признали своим повелителем турецкого султана, а ведь они боролись с поляками не на жизнь, а на смерть, и немало били Польшу, но и тогда решили наконец на раде, в Переяславе, что лучшего покоя, как под покровом восточного, православного царя, они не найдут и, разумеется, нашли. Случился ещё изменник Мазепа со своими 6 тыс. казаков, но неслыханная ещё победа под Полтавой отняла у всех надежду возвратиться к каким бы то ни было старым отжившим порядкам. И вот из числа миллионов людей, нашлись какие-то 100, хотя бы даже 1 000 человек, не особенно культурных, которые, опираясь на Австрию и поляков, затевают теперь совратить Украину, Малороссию и далее до Кубани и всё это отнять от России и эту благодатную страну, добытую русскою кровью от Польши и Турции, образовав здесь какое-то славянское государство, с апостолическим величеством во главе и с передачей за это Германии 15 млн австрийских немцев Западной Австрии.

Напротив того, не пора ли бы войти в соглашение с Германией и окончательно присоединить к себе русскую Галицию по Сан: знай, ляше, что Сан – наше, и заняв, Карпаты с их бойками и лемками, притянуть к себе угрорусов, весь комитет Мормараш (Мармарош, Марамуреш, Маромарош. – С.С.), до берегов Тиссы. Мы уверены, что, случись война у нас, а она будто и надвигается, то даже все наши левые встанут под ружьё и будут защищать своё отечество. Аннексия Боснии и Герцеговины – это ещё последний вздох несчастной Японской войны, которая проиграна благодаря также долготерпению и преобладанию ничтожных личностей! Теперь вё это прошло, и наше дело как национальное далеко не проиграно. С каждою минутою, что мы живём, мы чувствуем нашу возвращающуюся к нам силу и вовсе не удивляемся конфликту с нашими палатами...

Как у немцев, Германия превыше всего, так у нас наш русский государь превыше всего. Это удостоверяет история, народное избрание и пышно расцветшая Россия с её богатствами и 160 млн народом, из которых $\frac{3}{4}$ русского народа. И вот к царю обратилась русская депутация Юго-Западного края, прося о земстве. Она была принята благожелательно, и как закрытие палат, так и статьи 87, вопреки протеста, произведены законно и по воле и царскому желанию. Что были чрезвычайные обстоятельства, это так ясно, как день. Мы имеем полное право воскликнуть: руки прочь, и да будет русский народ с его государем решителем наших судеб» [29: 323–325].

Геополитике, вопросам укрепления обороноспособности России и будущему военному потивостоянию посвящён ряд других работ А. Риттиха. В 1898 г. выходит его книга **«Восточный вопрос (политико-этнографический очерк)»** (СПб., 1898). В исследовании, посвящённом т. н. Восточному вопросу, А. Риттих предсказал возможный ход развития событий в регионе при условии увеличения активности России в этом направлении. По его мнению, «Восточный вопрос без перемены карты Европы едва ли может разрешиться; уж слишком много заинтересованных народов по праву и неправде». Он раскрывает интересы России, Австрии, Великобритании, Франции, Германии, балканских стран в данном регионе, отметив, что «ни одна из западноевропейских держав не имеет на Балканском полуострове своих правовых интересов, т. е. национальных» [21: 3].

Так как «в настоящую минуту при всем кажущемся согласии держав, кроме дружелюбной Франции, все остальные державы не доброжелательны к России», А. Риттих считал, что необходимо поддерживать всеми силами «Румынию, Сербию, Болгарию, Черногорию и Грецию, дабы они росли в своих национальных границах и развивались в укор русским противникам» [21: 9]. России эти страны «следует смирять, направлять к одной цели, объединять, помогать деньгами, оружием, товаром, торговлею, договорами и всем, что умно и полезно, став одновременно во главе их и, способствуя чрез них, умирать Турции, потом Австро-Венгрии и даже, если нужно, не пожалеть Германию» [21: 9–10].

По его мнению, «такой протекторат России, сильной армией и всем её населением над славянами полуострова предварительно даст немало с их стороны, около 700 тыс. воинов румын, сербов, болгар и греков, которые с небольшою помощью русских войск легко отнимут Боснию и Герцеговину, что будет только справедливым возмездием за прошлое коварство. С другой стороны, этот же протекторат посодаетствует России высказать словечко за Галицию, за галичан, за угрорусов и рано или поздно восстановить границу России при княжении Владимира» [21: 10].

А. Риттих допускал, что Румыния может принять сторону Тройственного союза, т. к. «русские прозевали всё то, что сделано в Румынии недавно против России». Но ей следует объяснить, что от России она ничего не получит, а на западе, практически до р. Тисы, они могут рассчитывать на почти 7 млн «единородных душ» [21: 11].

Таким образом, «политика России должна быть направлена к упрочению созданных ей государств и в употреблении их с пользою для самих себя и в конечном выводе для общего дела всех славяно-православных народов. Россия как сильнейшая помогает везде, покровительствуя каждой народности в отдельности и всем вообще и преследуя единую цель: выделить славян из западной сферы, освободить их, создав на Востоке новую жизнь и культуру. А Запад пусть себе живёт своею жизнью, пусть он крепнет и развивается у себя и в своих многочисленных колониях, но не на счёт самостоятельного славяно-православного Востока, этого особого мира, который сам сумеет размежеваться» [21: 11].

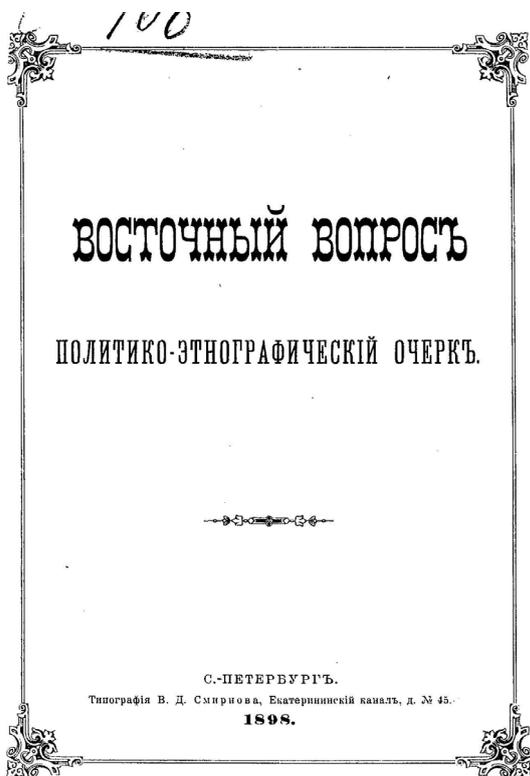
Также «России, при всём её медленном движении вперёд, необходимо иметь свободу на морях и в торговле, чему немало препятствует уже три столетия, враждебная ей Англия. Против последней, России нужна тесная дружба с Францией и с теми мелкими государствами Запада, которых Англия притесняла и притесняет, да вдобавок, коли можно, бомбардирует. И в этом смысле нужна работа, самая настойчивая и энергичная, даже если б это и не входило в расчёты русской ближайшей соседки. Думаем, что Германия, даже в крайнем случае с Англией, против такого союза ничего не поделает» [21: 12].

Касаясь Англии, А. Риттих отметил, что «бесспорно она сильна на море, но, строя суда и расширяя свою торговлю с захватами, кто же у неё останется под конец в метрополии. Она, ещё два века тому назад вполне земледельческая страна, выкинулась искусственно в моря и рассеялась по всему свету, насыщая оставшихся дома колониальными добычами. Такое неестественное дело когда-нибудь дойдёт до своих пределов; как тогда? Этот предел теперь выдвигается на очередь конкуренцией за новыми землями других народов, и Англия начинает блекнуть среди разрешающегося Восточного вопроса» [21: 12–13].

По мнению А. Риттиха, «если Турция умирает, то Австро-Венгрия очень больна, и её смерть не за горами» [21: 17]. Он был уверен, что Германия, стремящаяся объединить все немецкие земли, рано или поздно присоединит к себе Австрию [21: 14]. Династии Габсбургов придётся переместиться в Пешт (Будапешт. – С.С.). Россия же, преследуя свои цели, для решения восточнославянского вопроса может добиться, чтобы сербы, румыны и русские выделились из Австро-Венгрии и отошли к своим государствам [21: 15]. В составе Австро-Венгрии

останутся «мадьяры и весь апостолический католицизм, т. е. хорваты, словаки, словинцы, чехи и поляки» [21: 16]. Чехи и другие славянские народы, возможно, захотят остаться под управлением Габсбургов, если Габсбург будет короноваться в Праге с признанием основных законов Чехии и одновременно провозгласит себя королём триединого королевства: Кرواتии, Славонии и Далмации. «Такая сборная держава – не новость; также по своему бессилию она повиснет между Россией и Германией. Но тут ничего не поделаешь, ведь это остатки тех несправедливых приобретений, которые достались Австрии женьтибой, коварством, захватом и политикою на счёт слабых соседей. Что посеешь, то и пожнёшь, и потому остаётся только сожалеть, что чехи, выдвинувшись так много вперёд и оставшись целы среди немецкого моря, не могут иметь той участи, какую достигли Балканские государства! Впрочем, при тяготении к России, всё это устроится в их пользу, хотя им будет это труднее выполнить, чем триединому королевству на юге, которое, несмотря на свой католицизм, может легче примкнуть по соседству к Балканской конфедерации» [21: 16–17].

С другой стороны, «новая, объединённая Германия не захочет такого скорого распада Австро-Венгрии, да ещё с такими последствиями для России, которую она презирает и боится. Страх утратить какого ни на есть друга, Австро-Венгрии, не приобретя нового, и знать о состоявшемся тем или другим путём объединении славян под руководством России, слишком велик» и требует «самоотверженных со стороны Германии мер» [21: 17–18].

Титульный лист книги А. Риттиха
«Восточный вопрос (политико-этнографический очерк)».
(СПб., 1885) [21]

Германия, присоединив австрийских немцев, объединит 75 млн человек почти однородного населения. «Это огромная империя и громадная сила с огромным полем действий, но уж не в Европе, а в Африке. Там она при своём умении работать и устраиваться может сделать многое не только для себя, но и для человечества. Там же ей придётся встретиться лицом к лицу с Англией, что теперь уже предвидится, и потому ненапрасно Вильгельм II так усиленно хлопочет о своём флоте. Ему он нужен не столько в Европе, как около своих колоний, в океанах. В предстоящем споре с Англией последней не миновать катастрофы...» [21: 19].

Кроме Англии, у Германии есть и «другой враг, давнишний» – Франция. Между странами существует территориальный спор: пограничные Эльзас и Лотарингия [21: 20]. Поэтому Франция будет противиться, «если Германия с согласия России начнёт поглощать немецкую Австрию». Возможен союз Франции с Англией в защиту Австрии и против Германии и России. Однако утрата союза с Россией Франции невыгодна, а «подход англо-французского флота к берегам Балтики и Чёрного моря, по изменившимся обстоятельствам русской обороны, техники и сообщений, сопряжён с громадным риском». «Чтобы обойти все эти неудобства, невыгодные, бесконечно спорные для Германии, Франции и отчасти России, и чтобы парализовать самолюбивые расчёты Англии в этом чисто континентальном вопросе», А. Риттих предложил компромиссное решение. Германия возвращает Франции «эти 14 ½ тыс. км² отвоеванной немцами земли с их 1 600 000 жителями полуфранцузов-полунемцев Эльзаса-Лотарингии». Франция же выплачивает за это Германии деньги, «которые ей теперь очень нужны», около 1 ½ млрд. И вопрос о реванше сам собой отпадёт» [21: 21].

Разумеется, Франция «этим не останется довольна», т. к. от этого Германия ещё больше усилится. Поэтому на Францию надо надавить ещё другим: в Турции помещены французские сбережения на 6 млрд франков. В счёт компенсации за это Франции под протекторат надо отдать земли, «где Франция пролила кровь, и где также немало потрачено французского труда да средств, и где католичество находится как бы под её протекторатом по наследству от средневековых французских королей». Речь идёт о Сирии и Египте с Суэцким каналом. Англия касательно Египта будет противодействовать, «но если Россия, Германия и Франция станут действовать в этом вопросе согласно, что вполне возможно, то Англия должна ретироваться» [21: 22].

Если Англия не захочет уступить, то, «в крайнем случае, могут прийти из-под Карса и Туниса русско-французские сухопутные силы и тогда заставят англичан сделать то, что будет угодно этому союзу. А

кроме того, сбоку Абиссиния с помощью Франции может также указать англичанам, что им здесь не место. Думаем, что это дело возможно устроить легче, чем предполагают. Но при этом придётся соблюсти одно условие: отдавая Египет под протекторат Франции, Суэцкий канал с выходами в Средиземное море и в Индийский океан, должны быть объявлены на вечные времена нейтральными ради общих интересов мира, и такое условие должно быть гарантировано всеми заинтересованными державами, решающими этот вопрос окончательно. То же самое следует выговорить относительно нейтральности Иерусалима. Таким-то образом устранятся всякие будущие конфликты между Германией, Францией и Россией» [21: 23].

А. Риттих предложил: для того чтобы на Балканском полуострове «устранить в будущем малейшее соревнование, несправедливость, замешательства и даже войны, то прежде всего следует признать равноправными разные славянские наречия и народности и на основании только такой равноправности разграничить между собою эти новые государства с их старыми народами». Он привёл примеры возможных границ Румынии, Сербии, Болгарии, Греции, Албании, Черногории [21: 26–39].

А. Риттих коснулся и претензий Румынии на российскую территорию: «Толкаемая германскими Гогенцоллернами, во вред своему народу, Румыния домогается и ждёт своего вознаграждения более всего от России, у которой по соседству в Бессарабии живёт несколько сот тысяч румын. Но это может случиться только при полнейшем разгроме России, что сомнительно. Зато обратное занятие русскими всей Румынии не совсем неправдоподобно. Однако такой её погром может случиться только тогда, если Румыния будет и впредь гогенцоллернствовать, и понятно, что при таких обстоятельствах ей нельзя надеяться на какой бы то ни было успех, на приращение и объединение её национальности, хотя бы при этом объединилась бы вся Германия». Румынии, считал автор, «следует придерживаться России» и «надеяться, что в скором времени Румыния будет вознаграждена до народных границ угрорусов и мадьяр, от истоков Прута по Тиссе, до Варадина, Арада, Вейскирхена и Дуная, т. е. до пределов своего языка и своей веры» [21: 28].

А. Риттих полагал необоснованными претензии Сербии на часть Македонии. Признавая право Сербии на возвращение Боснии и Герцеговины, он считал, что территория, где проживают хорваты-католики, «принадлежит триединому королевству Кроации-Славонии и Далмации». Взамен Сербия должна получить свои исторические земли: «Косово поле с Расой, Дмитровицей, Приштиной, Призреном, Печь, да Ускюб, т. е. Старую Сербию, гранича с юга с болгарами по

хребту Чёрной горы, а с запада с Черногорией по истокам Белого и Чёрного Дрина» [21: 29–31].

Касаясь вопроса «проливов с Константинополем», А. Риттих рассмотрел права претендентов на «достояние древней Византии»: Турции, Греции, Болгарии, России. Он считал, что для России «проливы в прежнем смысле потеряли свою прелесть, вопрос приелся, а св. София давно заменена множеством других русских святынь. Эта палеологовщина совсем утратила свою силу, и Киев, Москва, Петербург и т. д. русские никогда не уступят за Константинополь». И что «Россия сделала своё культурное дело без проливов и доказала, что обходилась без них, без этого амулета, который ей чего доброго не принесёт особого счастья, зато хлопот бездна, с оттягиванием многих хороших русских соков и богатств к этим вечно зеленеющим Принцевым островам». Он напомнил, что если России отойдут проливы, то в военное время никто не войдёт в Чёрное море. Однако «и русским не выйти из него; их немедля задержат у самого выхода около островов Лемноса и Имброса» [21: 39–43].

А. Риттих сделал вывод, что «акт завладения проливами, благодаря всему, что случилось с 1856 г., не только не выгоден теперь, но не безопасен для России по двум причинам: слишком уж она расползётся и потому ослабеет раньше, чем закончит свои внутренние вопросы, и, во-вторых, ни одна из западных держав ей этого не простит, да ещё вопрос, как на такое присвоение посмотрят все вообще славяне?». Правда, говоря о Константинополе, он отметил, что «никто из западных держав не имеет прав им владеть, и если вся эта земля около проливов может быть кому-либо отдана на поддержание, то единственно России, которая лучше других сможет водворить здесь порядок, даже лучший, чем какой она сумела установить у себя внутри!» [21: 43].

Он предложил «на основании всего высказанного», что «удобнее всего было бы признать эту землю – море нейтральным уделом, причём для водворения порядка поставить его под протекторат России. Управление там может быть демократическое, народное, при русском уполномоченном. Остальные нации Европы не должны вмешиваться, иначе при обычных в этом отношении интригах спокойствие никогда не водворится. Можно надеяться, что при таких условиях Константинополь весьма скоро дойдёт до цветущего состояния и что это будет величайший в мире город по своему торговому и бытовому положению». Учитывая, что при установлении нового порядка придётся иметь дело со «многими равноправными народностями: турками, греками, армянами, болгарами, евреями и другими, которые, увлекаемые страстями и порывами гнева, могут взяться за оружие, необходимо,

чтобы при русском уполномоченном была сильная военная охрана и такая же полиция, которая при всех обстоятельствах умеряла бы эти страсти и водворяла бы порядок в среде этого разнокалиберного состава населения по берегам проливов. И в этом случае понятно, что эти войска и полиция должны быть русские» [21: 43–44].

Говоря о приоритетах внешней политики Российской империи, А. Риттих отметил, что «для России среди всех её европейских международных сношений самым дорогим делом, корнем русского бытия, несомненно, был славянский вопрос и благополучие всех вообще славян Европы, что должно было бы стоять на первом плане русских политических соображений; это вопрос её западных границ, и потому он постоянно, как призрак, затрагивает русские интересы. Всё же остальное составляет как бы пристёгнутое к первоначальному делу: оно удерживается или бросается как второстепенный предмет, нам малоинтересный. Живите себе, народы, как знаете, наша кровная забота сосредоточивается вокруг и около всего в совокупности славянского востока» [21: 49].

В статье **«Старые погудки на новый лад»**, опубликованной в газете «Славянские известия» в 1913 г., А. Риттих касается политики западноевропейских стран по отношению к России. В частности, он писал, что Россия, чтобы обезопасить свои границы, начала наступать на юге. «Это наступление русских к югу идёт в XVIII ст. мерным шагом вперёд и кончается в 1812 г. у берегов Дуная с приобретением Бессарабии. Начинается как бы новая эра: открытое покровительство России славянам – сербам и болгарам на правом берегу Дуная. Но тут-то русская дипломатия получила первый удар с Запада, и христиане Балканского полуострова были изъяты из покровительства России и подчинены совокупной опеке Западной Европы в 1856 г. Чтобы задержать Россию в её поступательном движении к югу, её отдалили от Дуная и запретили ей иметь флот на Чёрном море, т. е. заперли её на замок у проливов. Россия направилась на восток к Памиру». Сан-Стефанским договором было «основано княжество Болгарское, но благодаря Англии и Австрии, а отчасти и Германии наша победа и многие жертвы далеко не дали того, что было желательно, и Россия, ослабленная войною 1877–8 годов, должна была унижительно согласиться на то, что решила Европа... Затем наши теперешние друзья устроили у себя в Лондоне, Париже и в других городах притонодержательство всяких революционеров и террористов, которые возбуждали население внутри страны и привели к катастрофе 1881 г. (убийство императора Александра II. – С.С.). Но этим Запад не удовлетворился и заключил союз с Японией, а мы получили в конечном результате Цусиму и Мукден! Потеряв и тут край наших

владений и лишившись флота, мы, продолжая верить только словам, но не делу, заключили союз с Францией против Германии и вступили в соглашение с Англией на тот конец, чтобы нашими вооружёнными силами защищать не столько себя, сколько наших отъявленных врагов, скрывающих свои истинные намерения под пышными фразами. Никто из них за нас не шевельнёт пальцем, и если Россия хочет быть не только сильной, но и целой, без уступок земли и населения, то ей необходимо, не покладая рук, работать над войском, не боясь расходов» [38: 540].

А. Риттих считал, что Вторая Балканская война (29 июня – 10 августа 1913 г.), когда «четыре маленькие державы, все православные, и с ними в хвосте разбитая Турция, вооружились против Болгарии, созданной незабвенным императором Александром II», устроена «по милости Австро-Венгрии и Германии, которые воспользуются нашей слабостью и возьмут себе то, что им нужно». В заключение он отметил: «Вся наша беда состоит именно в том, что мы отказались быть великой державой. Наши вооружённые силы не соответствуют ни нашим бесконечным границам и расстояниям, ни нашему пространству, ни громадному населению, ни силам наших противников...» [38: 540].

В небольшом очерке **«Большая опасность»** (Славянские известия. 1914. 1 января. № 1) он в очередной раз предупреждает российское общество о грядущей войне и её последствиях: «У нас недостаточно ясно сознают всю силу напора немцев на Восток: на Россию, на славянство, на православие». А. Риттих напомнил, что Германия занялась модернизацией турецкой армии и направила в Константинополь 43 офицера во главе с генералом фон Сандерсом. Их назначили командовать частями 1-го армейского корпуса. Турецкие силы под немецким командованием могут запереть проливы и в нужный для них момент остановить «нашу вывозную торговлю от Дарданелл до Аландских островов». После этого немцы, скорее всего, появятся на всех берегах Чёрного моря. И у нас останется свободным только Архангельск, который не сможет удовлетворить потребности всей России. А. Риттих считал, что немцы не остановятся в Малой Азии, а пойдут дальше на Восток. В их руках окажутся весь Курдистан и вся Армения, а также все стоявшие там турецкие войска. И через два года, считал он, мы будем иметь против нас не Тройной союз, а Четверной, «и наше Закавказье, равно как Юго-Западный и Привислинский край весьма скоро очутятся в немецких руках». Хотя автор ошибся в сроках начала войны: Германия объявила войну через 7 месяцев после публикации статьи, его предположения в целом оказались верными. За исключением Закавказья, где благодаря активным действиям Кавказской армии удалось сорвать планы по захвату российского Закавказья и перенести боевые действия на территорию противника [20: 12].

В заключение он пишет: «Нам могут возразить: неужели же мы за всё это время, за 8 лет, не принимали никаких мер, чтобы парализовать такое нашествие, такое почти бескровное завоевание немцами наших пограничных владений? Разумеется, меры приняты, но какие? Никому неизвестно, что у нас делается по военной части, да и делается ли вообще что-нибудь, чтобы противостоять четверному вторжению. Говорят, всё благополучно, и нам ничего не нужно... Но зато соседям нужны земли, золото и унижение России, низведение её до положения Болгарии, в котором она очутилась после всех подлостей, мастерски состряпанных Лондонской конференцией послов, а потом Грецией и Румынией. Пример этот следует одинокой России иметь в виду всегда и не надеяться на Англию и Францию. Последняя может быть раздавлена Германией, а Англия для спасения себя и своих колоний, в особенности Индии, до которой доходит очередь освобождения, останется нейтральной и, возможно, начнёт действовать против нас. Этот манёвр Германия имеет в виду и, делая вид, что желает сразиться с Англией, всё время готовится нанести смертельный удар России.

Её давнишняя работа приходит к концу, обещая ей богатейшую жатву, а нам позор, унижение и крушение всех наших идеалов, широко воспетых поэтами, но увядших раньше своего расцвета. Берегись, русский человек: всё говорит не в твою пользу, и час расправы близок. А пока – как больно переживать это наше разочарование...» [20].

Исследования А. Риттиха, русского офицера и патриота, были востребованными в конце XIX – начале XX в. Помимо научной, они имели и практическую ценность. Его «Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданиям», вышедший во время Польского восстания, убедительно доказал преобладание русского православно-го населения в 9 западно-русских губерниях [17]. Это впоследствии привело к изменению государственной политики в данных регионах. Его «Приложение к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская», в котором было показано наличие здесь значительного количества русского населения, помогло принять меры по его защите и постановке вопроса о выделении регионов компактного проживания данного населения в отдельную губернию. В нём он также описал существовавшие здесь в то время этнические группы [34]. Эти, как и многие другие его труды, не потеряли ценности и сегодня. В частности, его работы по геополитике, где он предсказал будущую Первую мировую войну, примерный расклад сил противников и ход боевых действий.

Примечания

1. Сведения о семье отца А. Риттиха, впрочем, как и о его семье, противоречивы, содержат неточности и опiski. Поэтому автор в тексте приводит несколько источников, выбрав из них наиболее, на его взгляд, достоверную информацию.

2. Дополнительно см.: Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т./ Российская государственная библиотека. Отдел литературы русского зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. Т. 3: И–К. М.: Пашков дом, 2001. С. 654; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т./ Российская государственная библиотека. Отдел литературы русского зарубежья; сост. В.Н. Чуваков. Т. 6, кн. 1: Пос–Скр. М.: Пашков дом, 2005. С. 214. Также справочную информацию см.: Риттих Александр Александрович // Большая Российская энциклопедия. 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3510866; ресурс «Офицеры русской императорской армии»: Риттих Фёдор Александрович (URL: https://www.ria1914.info/index.php?title=%D0%A0%D0%B8%D1%82%D1%82%D0%B8%D1%85_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87)) и Риттих Пётр Александрович (URL: https://ria1914.info/index.php?title=%D0%A0%D0%B8%D1%82%D1%82%D0%B8%D1%85_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87). В «Списке генералам по старшинству», составленном на 1 мая 1894 г., написано, что А. Риттих вдов, 7 детей [41: 325]. Вероятно, двое детей умерли в юном возрасте.

3. О поднятном А. Риттихом вопросе определения национальной принадлежности упомянула в своей статье О.А. Красникова [8: 203].

4. П. Семёнов (в документах с 1906 г. – Семёнов-Тян-Шанский) подробно описал процесс подготовки «Этнографической карты Европейской России» и вклад А. Риттиха в её составление.

5. Газета «Русский инвалид», ссылаясь на «Голос», писала в № 29 от 2 февраля 1877 г. (с. 2), что на «Международной выставке искусств, промышленных изделий и продуктов почв и шахт» в Филадельфии в 1876 г. полковнику А. Риттиху была присуждена высшая награда – медаль с отзывом за представленную им «Этнографическую карту Европейской России». Он и А. Ильин (за работу его картографического предприятия) – единственные, кто получил высокие награды по картографической части.

6. Мятеж польской шляхты заставил многое переосмыслить не только А. Риттиха. Ранее мы писали о В.В. Крестовском [44] и

В.И. Кельсиеве [43], для которых 1862–1863 гг. тоже стали своеобразным поворотным пунктом.

7. Книга была издана тиражом всего 100 экз. и, как сообщила газета «Русский инвалид» в № 52 от 7 марта 1906 г. (с. 5), «роздана автором избранным им лицам». Основная мысль автора изложена в предисловии: «Только что законченная война и продолжающаяся смута ослабили Россию до ужасающих размеров. Потребность переустройства внутри и обороны окраин очевидна. Наши необъятные границы, населённые почти сплошь инородцами, заставляют трепетать за будущее нашей родины. Предлагаемые меры (административного, политико-экономического и оборонительного, характера) рассчитаны исключительно на пользу русского народа – этой основы государства, созданного его работою и кровью. Все остальные народы могут и должны жить не хуже большинства и преобладающего русского племени, но только как части общего достояния и без малейших преимуществ...».

8. А. Риттих здесь не прав. Русин (нем. russinen) – самоназвание населения Галичины, Угорской Руси и Буковины. Он упоминает о первой в Галичине грамматике русского (русинского) языка (*Grammatik der ruthenischen oder Klein russischen Sprache in Galizien von Joseph Lewicki (mit einer Kupfertafel)* = Грамматика языка русского въ Галиціи = *Grammatyka jezyka rusckiego w Galicy*). Её издал в 1834 г. Иосиф Левицкий в Перемышле за свой счёт. В предисловии на немецком языке он даёт краткую историческую справку о русинском населении Карпат. См.: [45].

9. А. Риттих писал, что «хотя религия и может служить в подразделении населения на племена, но она не может проводить окончательно раздельную черту и находится в тесной связи с говором народа, его нравами, обычаями, привычками и другими признаками этнографии» [34: 26].

10. Меморандум члена Государственного совета Российской империи, бывшего министра внутренних дел П. Дурново (Записка Дурново) был подан Николаю II в феврале 1914 г. С военной точки зрения, прогноз военных действий А. Риттиха составлен грамотно. Некоторые неточности в принадлежности ряда второстепенных государств к одной из двух коалиций вызваны тем, что к тому времени не все страны окончательно определились в выборе военного блока. К примеру, А. Риттих считал, что Япония в будущей войне станет противником России. Он также не мог предположить, что некомпетентность ряда военачальников приведёт к гибели кадровой армии и императорской гвардии в 1914–1915 гг. Не мог он предвидеть, что крепости Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Ковно падут в 1915 г. после

непродолжительной осады, так же как и Осовец, защитники которой героически оборонялась и выдержали три штурма. А главное, на наш взгляд, то, что А. Риттих не учёл значение деятельности внутренних и внешних (среди которых были и «союзники» России) врагов империи по развалу страны, которая привела к дестабилизации и двум революциям.

11. Ранее А. Риттих упомянул, что «эти казаки, комплектуясь из года в год недовольными из народа, жили в губерниях Киевской, Подольской, Волынской, Полтавской и ещё восточнее, в Свободской Украине, в нынешней Харьковской и Черниговской губерниях» [29: 72]. Следовательно, постоянно используемый А. Риттером термин «Украина» охватывает, по его мнению, в то время территории этих губерний. Описывая данные территории, начиная со времени присоединения Левобережной Украины к России и войны со шведами, А. Риттих уже их разделяет на Украину (польскую часть) и Малороссию (российскую часть) [29: 74–75]. По классическому определению, приведённому в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, «Украина – так назывались юго-восточные русские земли Речи Посполитой. Это название никогда не было официальным; оно употреблялось только в частном обиходе и сделалось обычным в народной поэзии. Границы земель, которые были известны под именем “украинных”, трудно определить, тем более что название это не было устойчивым и в разное время обнимало собою неодинаковое пространство. Лучший знаток истории У. в польское время А. Яблоновский полагает, что в половине XVII столетия название “У.” обнимало собой на Поднепровье повет Киевский (за исключением его северной, древлянско-северской лесной части) вместе с городом Киевом, а также дикие поля нижнего течения Днепра с Запорожьем; на Побужье – всю старую Звенигородщину на “Синих водах”, повет Брацлавский, сливавшийся с полем Очаковским, и восточную половину повета Винницкого; западная половина этого повета, на самом Буге, называлась, скорей, Подольем, брацлавское междуречье между Днестром от устья Мурахвы и Бугом – Побережем. Таким образом, в обозначенных пределах У. обнимала собой юго-вост. часть нын. губернии Подольской, значительную часть Киевской, разве только юго-западную часть Черниговской, всю Полтавскую и значительную часть губерний Екатеринославской и Херсонской (“Słownik geograficzny”. Т. XII. С. 773–774). На этом пространстве были в древности княжества Киевское, Переяславское, отчасти Черниговское; небольшая часть юго-западной У. принадлежала к Подольской земле. В XIV веке все эти земли подпали под власть Литвы, а со времени Люблинской унии (1569 г.) – и Польши. <...> В 1654 году У. соединилась с Москвой. По

Андрусовскому договору 1667 г. Левобережная У. осталась за Москвой, Правобережная – за Польшей. С этого времени для Левобережной У. обычным названием делается Малороссия. На левом берегу Днепра Украиной называлась официально только У. Слободская, т. е. теперешняя Харьковская губ. На правой стороне Днепра название У. сохранилось за всеми землями, составлявшими прежде Киевское и Брацлавское воеводства и остававшимися во владении Польши до самого её падения» [48: 633–634].

12. В нём «историк Лелевель (польский историк и политик Иоахим Лелевель. – С.С.) читал страстно историю Польши и готовил молодёжь к последующим бунтам» [29: 84].

13. По предложению П.А. Столыпина, Николай II на время приостановил деятельность Думы и Государственного совета и издал 14 марта 1911 г. высочайший указ (закон) «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии» на основании ст. 87 «Основных государственных законов» (от 23 апреля 1906 г.). Данная статья позволяла царю принимать законы «во время прекращения занятий Государственной Думой, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере».

14. А. Риттих делает классическую ошибку: смешивает понятия родной (материнский) язык и национальность. В переписи 1897 г. не было графы «национальность», ставить же знак равенства между родным языком и национальностью не совсем корректно. В западных губерниях русский язык мог быть родным языком и для части поляков, евреев и представителей других национальностей. Также и наоборот. На примере данных переписи 1897 г. по Бессарабской губернии видно, что язык не всегда определяет этническую принадлежность: часть гагаузов продекларировали родным языком болгарский, остальным записали родным турецко-османский язык. Среди 55 790 чел., признавших родным языком турецко-османский, 55 615 чел. (97,7 % мужчин и 99,6 % женщин), были православными, т. е. гагаузами, никакого отношения к туркам не имеющими [47: 20]. Кстати, в «Материалах для этнографии России. Прибалтийский край» (1873) А. Риттих сам пишет, что «один язык не может ещё обрисовать народность» на примере населения, говорившего по-немецки, к которому, помимо немцев, относят и евреев [28: 3].

15. О немцах, проживавших в западно-русском крае, А. Риттих писал: «Что касается немцев, то они, как вообще протестанты, многих оттенков, неприятны тем, что не сливаются с русским народом, имеют будто свои чисто немецкие учреждения, школы в особенности и, получая субсидию из Германии, из разных ферейнов (от нем. verein –

союз, общество, клуб. – С.С.), владеют большими землями, богаты и богатеют, но признают за своё отечество не Россию, а Германию. Таких протестантов разнообразнейших духовных понятий насчитывается в крае 226 700 д. об. пола» [29: 317]. Будучи сам по происхождению немцем и протестантом (лютеранином) по вероисповеданию, А. Риттих, как видим из его работ, считал себя русским. Он, кстати, предложил переселить этих немцев «с мест наших стратегических путей в Сибирь, хотя бы с вознаграждением землями и всякими льготами, только бы подальше от соблазна, туда, где и тепло, и не голодно, но где это твёрдо стоящее на своём я Deutschland über alles потонуло бы в изобилии земель и будущих русских переселенцев. Так бы они, эти немецкие колонисты, наконец, из-за сбыта своих произведений обрусели бы, потонули бы в обширности пространства и вдали от своих и милых однородных друзей, врагов нашего Отечества, по соседству» [29: 318].

ЛИТЕРАТУРА

1. Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917): в 4 т. Т. 3: М–Р / сост. Е.Л. Потемкин. М.: Б. и., 2019. 609 с.: цв. ил.

2. Будилович А.С. Статистические таблицы распределения славян: а) по государствам и народностям, б) по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям). С объяснительной запиской. Приложение к «Этнографической карте славянских народностей» М.Ф. Мирковича, изданной Петербургским отделом Славянского благотворительного комитета. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1875. 23 с.

3. Ген.-лейт. А.Ф. Риттих (Некролог) // Славянские известия. 1915. № 14. Сентябрь. С. 172.

4. Генералитет российской императорской армии и флота. Риттих Александр (Александр-Пётр) Фёдорович (Фридрихович) URL: http://www.rusgeneral.ru/gen/r/gen_r427.html (дата обращения: 05.09.2025).

5. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895: в 3 ч. / сост. по поручению Совета Императорского Русского географического общества вице-председатель общества П.П. Семенов, при содействии действительного члена А.А. Достоевского. Ч. 1. Отделы I, II и III. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. XXX, 468 с., [1] л. портр.

6. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895: в 3 ч. / сост. по поручению Совета Императорского Русского географического общества вице-председатель общества

- П.П. Семенов, при содействии действительного члена А.А. Достоевского. Ч. 2. Отдел IV. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. XI, с. 472–979, [3], [1] л. портр.
7. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895: В 3 ч. / сост. по поручению Совета Императорского Русского географического общества вице-председатель общества П.П. Семенов, при содействии действительного члена А.А. Достоевского. Ч. 3. Отдел V, приложения, указатель и состав общества. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. VIII, с. 984–1377, 66, [1] л. портр.
8. *Красникова О.А.* А.Ф. Риттих – картограф, писатель, генерал-лейтенант (1831–1917?) // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 12 / отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 192–218.
9. *Максимовский М.С.* Исторический очерк развития Главного инженерного училища 1819–1869. С приложениями / составлено при Николаевской инженерной академии М. Максимовским. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. I–IV, 1–208, 1–183 с., 2 л. фронт. (портр.), 11 л. ил.
10. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: в 4 т. / ред. Б.П. Козьмин. Т. 4: Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1960. 558 с.
11. *Матвеев Г.Б., Кондратьев М.Г.* Риттих Александр Федорович // Чувашская энциклопедия. URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/144996 (дата обращения: 10.09.2025).
12. *Псянчин А.В.* Из истории отечественной этнической картографии (по материалам ИРГО и КИПС). Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008. 52 с.: ил.
13. *Псянчин А.В.* Александр Федорович Риттих – этнокартограф // История наук о земле. Сборник статей. Вып. 1. М.: ИИЕТ РАН, 2007. С. 223–227.
14. Риттих, Александр Феодорович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVI^A: Резонанс и резонаторы – Роза ди-Тиволи. СПб.: Тип. акц. общ. «Издат. Дело, бывшее Брокгауз-Ефрон», 1899. С. 819.
15. *Риттих А.Ф.* Австро-Венгрия. Отдел 1. Общая статистика / сост. Генерального штаба полковник А.Ф. Риттих; под ред. генерал-лейтенанта Н.Н. Обручёва. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1874. 131, [2] с.: табл.
16. *Риттих А.Ф.* Австро-Венгрия. Отдел 2. Вооружённые силы / сост. Генерального штаба полковник А.Ф. Риттих, под ред. генерал-лейтенанта Н.Н. Обручёва. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1876. IV, 385, [1] с., [8] л. цв. ил.: ил., табл.
17. *Риттих А.Ф.* Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданиям. Составлен при Министерстве внутренних дел в Канцелярии заведывающего устройством православных церквей в западных губерниях. СПб., 1863. 1 атл. (13 л.): цв., карты, табл. + прил. (60 л.).

18. *Pitttix A.Ф.* Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданиям. Составлен при Министерстве внутренних дел в Канцелярии заведывающего устройством православных церквей в западных губерниях. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1864. 1 атл. (18 сдв. л.): цв., карты, табл. + прил. (28 с.).

19. *Pitttix A.Ф.* Барон Р.М. Таубе. 1808–1812 г. // Русская старина, 1876. Т. 17, № 12. С. 842–844.

20. *Pitttix A.Ф.* Большая опасность // Славянские известия. 1914. № 1. 1 января. С. 12–13.

21. *Pitttix A.Ф.* Восточный вопрос (политико-этнографический очерк). СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1898. 54 с.

22. *Pitttix A.Ф.* Западно-русская граница и русская народность. С планом // Русская старина. 1907. Т. 130. Май. С. 369–407 (отдельный оттиск: СПб.: Типо-лит. «Надежда», 1907. 39 с., 1 л. пл.).

23. *Pitttix A.Ф.* Записка по предстоящим вопросам (Очерк государственной обороны). СПб.: Тип. Штаба Отдельн. корп. жандарм., 1906. [4], IV, 154 с.

24. *Pitttix A.Ф.* Кто такие македонцы? // Македонский голос. 1914. № 11. 20 ноября. С. 217–218.

25. *Pitttix A.Ф.* Материалы для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская / сост. Генерального штаба подполковник Риттих. СПб., 1864. 2 л. в обл.

26. *Pitttix A.Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. 14. Ч. 1. Приложения: Племенная карта, стат. табл., план Болгар и виды болгарских развалин. Казань: типография Императорского казанского университета, 1870. [2], X, IV, III с., 7 л.: ил., карт.

27. *Pitttix A.Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. 14. Ч. 2. Приложения: Молитва господня на 6 языках; сравнительный словарь на 10 языках; казанские типы и одежды; сравнительная музыка татар, чуваш и черемис. Казань: Типография Императорского казанского университета, 1870. 225 с., 8 л.: ил.

28. *Pitttix A.Ф.* Материалы для этнографии России. Прибалтийский край. 15, 16, 17. Приложения: карта по племенам и исповеданиям и три статистические таблицы по племенам и исповеданиям Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губернии. СПб.: Издание картографического заведения А.А. Ильина, 1873. [2], 71 с., 6 л.: карт., табл.

29. *Pitttix A.Ф.* Обиженный край // Русская старина. 1911. Т. 147. Июль. С. 61–87; Август. С. 303–325.

30. *Pitttix A.Ф.* Обиженный край (С картой Зап.-рус. края). СПб.: Типография т-ва п/ф. «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1911. [2], 49 с., 1 л.: карт.

31. *Pitttix A.Ф.* Объединённое славянство. Оттиск из «Славянских известий». СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1908. 25, [1] с.

32. *Pitttix A.Ф.* Переселения. Харьков: Типо-литография Окружного штаба, 1882. II, 90 с.

33. *Rittich A.Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России / сост. Генерального штаба полковник А.Ф. Риттих, д. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. СПб.: Издание картографического заведения А.А. Ильина, 1875. [2], X, 352 с.

34. *Rittich A.Ф.* Приложение к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская / сост. Генерального штаба подполковник Риттих. СПб., 1864. 1 кор. (36 с.).

35. *Rittich A.Ф.* Славянские наречия XX века в Юго-Западной Европе. Статистические таблицы и схема расселения юго-западных славян, составлявшие приложения к программе сообщения, прочитанного в Обществе ревнителей военных знаний генерал-лейтенантом А.Ф. Риттихом / редактировал лектор. Издание Общества ревнителей военных знаний. СПб.: Экономическая типо-литография, 1903. 8 с.: табл., 1 отд. слож. л. карт.

36. *Rittich A.Ф.* Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование / сост. А.Ф. Риттих [чл. Имп. Рус. геогр. о-ва, Моск. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии...]. Варшава: Издание В.М. Истомина, 1885. 389 с. разд. паг., 10 л. карт.

37. *Rittich A.Ф.* Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. 567, [1] с.: карты.

38. *Rittich A.Ф.* Старые погудки на новый лад // Славянские известия. 1913. № 38–39 (31–32). 11 августа. С. 539–540.

39. Риттих А.Ф. Четыре лекции по русской этнографии. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1895. 83 с.

40. *Sossa P.I.* Ріттіх Олександр Федорович // Енциклопедія історії України. Т. 9: Прил – С / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2012. С. 223–224.

41. Список генералам по старшинству. Составлен на 1 мая 1894 года. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1894. XXIII, 910 с.

42. *Суляк С.Г.* А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. 2017. № 2 (48). С. 166–181. doi: 10.17223/18572685/48/12

43. *Суляк С.Г.* Василий Кельсиев (1835–1872): жизнь, труды и русинская тематика в произведениях «рenegата» и патриота // Русин. 2025. № 80. С. 15–80. doi: 10.17223/18572685/80/2

44. *Суляк С.Г.* Всеволод Крестовский (1840–1895): жизнь, труды и русинская тематика в произведениях русского писателя и офицера // Русин. 2025. № 79. С. 15–80. doi: 10.17223/18572685/79/2

45. *Суляк С.Г.* Иосиф Левицкий – просветитель Галицкой Руси // Русин. 2023. № 71. С. 16–51. doi: 10.17223/18572685/71/2

46. *Суляк С.Г.* В.А. Францев и Карпатская Русь // Русин. 2021. № 64. С. 89–114. doi: 10.17223/18572685/64/5

47. *Суляк С.Г.* Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX – начале XX в. // Русин. 2012. № 1 (27). С. 6–26.

48. Украина // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIV^а: Углерод – Усилие. СПб.: Тип. акц. общ. «Брокгауз-Ефрон», 1902. С. 633–635.

49. *Фельдман Ф.А.* Австро-Венгрия. Отдел 3. Военный обзор восточных областей / сост. флигель-адъютант Е.И.В. Генерального штаба полковник Ф.А. Фельдман; под ред. генерал-лейтенанта Н.Н. Обручева. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1875. IV, 392 с.: табл.

50. Этнографическая карта Европейской России / сост. по поручению Императорского Русского географического общества А.Ф. Риттих; под наблюдением спец. комиссии из вице-пред. Императорского Русского геогр. о-ва П.П. Семенова и др. СПб.: Картографическое заведение А.А. Ильина, 1875. 1 к.: цв.

51. Этнографическая карта славянских народностей = Карта славянских народностей / с 1-го изд. 1867 г. М.Ф. Мирковича, доп. А.Ф. Риттихом. 1:4 200 000, 42 км в 1 см. СПб.: Отдел Славянского благотворительного комитета, 1874. 1 л.: цв.

52. Этнографическая карта славянских народностей / М.Ф. Миркович; доп. А.Ф. Риттих. 1 : 4 200 000, 42 км в 1 см. 2-е изд. СПб.: Отдел Славянского благотворительного комитета, 1875. 1 л. в обл.: цв.: табл.; 87×70 см, обл. 24×16 см + прил. (23 с.).

53. Geni. Александр Фёдорович Риттих. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%A0%D0%B8%D1%82%D1%82%D0%B8%D1%85/6000000054484283474> (дата обращения: 05.09.2025).

54. *Rittich A.F.* Die Ethnographie Russland's nach A.F. Rittich. Mit zwei Karten (Ergänzungsheft Nr 54 zu Petermanns "Geographischen mittheilungen»). Gotha: Justus Perthes, 1878. VI, 43 S.

REFERENCES

1. Potemkin, E.L. (2019) *Biograficheskiy slovar'. Vysshie china Rossiyskoy imperii (22.10.1721–2.03.1917): V 4 t. T. 3: M–R* [Biographical Dictionary. The Highest Ranks of the Russian Empire (22.10.1721–2.03.1917): In 4 vols. Vol. 3: M–R]. Moscow: [s.n.].

2. Budilovich, A.S. (1875) *Statisticheskie tablitsy raspredeleniya slavyan: a) po gosudarstvam i narodnostyam, b) po veroispovedaniyam, azbukam i literaturnym yazykam (narechiyam). S ob'yasnitel'noy zapiskoy. Prilozheniye k "Etnograficheskoy karte slavyanskikh narodnostey" M.F. Mirkovicha, izdannoy Peterburgskim otdelom Slavyanskogo blagotvoritel'nogo komiteta* [Statistical Tables of the Distribution of Slavs: a) by States and Ethnicities, b) by Confessions, Alphabets and Literary Languages (Dialects). With an Explanatory Note. Supplement to "The

Ethnographic Map of Slavic Peoples” by M.F. Mirkovich, Published by the St. Petersburg Department of the Slavic Charitable Committee]. St. Petersburg: Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya.

3. *Slavyanskije izvestiya*. (1915) Gen.-leyt. A.F. Rittikh (Nekrolog) [Lt. Gen. A.F. Rittikh (Obituary)]. 14. p. 172.

4. Rusgeneral.ru. (n.d.) *Generalitet rossiyskoy imperskoy armii i flota. Rittikh Aleksandr (Aleksandr-Pyotr) Fyodorovich (Fridrikhovich)* [The Generals of the Russian Imperial Army and Navy. Rittikh Aleksandr (Alexander-Peter) Fyodorovich (Friedrichovich)]. [Online] Available from: http://www.rusgeneral.ru/gen/r/gen_r427.html (Accessed: 5th September 2025).

5. Semenov, P.P. & Dostoevskiy, A.A. (eds) (1896a) *Istoriya poluvekovoy deyatel'nosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1845–1895* [History of the Half-Century Activity of the Imperial Russian Geographical Society, 1845–1895]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°..

6. Semenov, P.P. & Dostoevskiy, A.A. (eds) (1896b) *Istoriya poluvekovoy deyatel'nosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1845–1895* [History of the Half-Century Activity of the Imperial Russian Geographical Society, 1845–1895]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°. pp. 472–979.

7. Semenov, P.P. & Dostoevskiy, A.A. (eds) (1896c) *Istoriya poluvekovoy deyatel'nosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1845–1895* [History of the Half-Century Activity of the Imperial Russian Geographical Society, 1845–1895]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°. pp. 984–1377.

8. Krasnikova, O.A. (2019) A.F. Rittikh – kartograf, pisatel', general-leytenant (1831–1917?) [A.F. Rittikh – Cartographer, Writer, Lieutenant General (1831–1917?)]. In: Shrader, T.A. (ed.) *Nemtsy v Sankt-Peterburge: Biograficheskiy aspekt. XVIII–XX vv.* [Germans in St. Petersburg: Biographical Aspect. 18th–20th Centuries. Iss. 12]. Vol. 12. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 192–218.

9. Maksimovskiy, M.S. (1869) *Istoricheskiy ocherk razvitiya Glavnogo inzhenernogo uchilishcha 1819–1869. S prilozheniyami* [Historical Outline of the Development of the Main Engineering School 1819–1869. With Appendices]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

10. Masanov, I.F. (1960) *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyatel'ey* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures]. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty.

11. Matveev, G.B. & Kondratiev, M.G. (n.d.) *Rittikh Aleksandr Fedorovich* [Rittikh Aleksandr Fedorovich]. [Online] Available from: https://chuvenc.ru/show_MainTable/144996 (Accessed: 10th September 2025).

12. Psyanchin, A.V. (2008) *Iz istorii otechestvennoy etnicheskoy kartografii (po materialam IRGO i KIPS)* [From the History of Domestic Ethnic Cartography (Based on Materials from the IRGS and CIPS)]. Ufa: RAS.

13. Psyanchin, A.V. (2007) Aleksandr Fedorovich Rittikh – etnokartograf

[Aleksandr Fedorovich Rittikh – Ethnocartographer]. In: *Istoriya nauk o zemle* [History of Earth Sciences]. Vol. 1. Moscow: RAS. pp. 223–227.

14. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (eds) (1899) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XXVIA. St. Petersburg: Tip. Akts. Ob"sch. "Izdat. Delo, byvsheye Brokgauz-Yefron". p. 819.

15. Rittikh, A.F. (1874) *Avstro-Vengriya. Otdel 1. Obshchaya statistika* [Austria-Hungary. Section 1. General Statistics]. St. Petersburg: Voyennaya tipografiya (v zdanii Glavnogo shtaba).

16. Rittikh, A.F. (1876a) *Avstro-Vengriya. Otdel 2. Vooruzhonnnyye sily* [Austria-Hungary. Section 2. Armed Forces]. St. Petersburg: Voyennaya tipografiya (v zdanii Glavnogo shtaba).

17. Rittikh, A.F. (1863) *Atlas narodonaseleniya Zapadno-Russkogo kraya, po ispovedaniyam* [Atlas of the Population of the West Russian Region, by Confessions]. St. Petersburg: [s.n.].

18. Rittikh, A.F. (1864a) *Atlas narodonaseleniya Zapadno-Russkogo kraya po ispovedaniyam* [Atlas of the Population of the West Russian Region by Confessions]. 2nd ed. St. Petersburg: [s.n.].

19. Rittikh, A.F. (1876b) Baron R.M. Taube. 1808–1812 g. [Baron R.M. Tauber. 1808–1812]. *Russkaya starina*. 17(12). pp. 842–844.

20. Rittikh, A.F. (1914) Bol'shaya opasnost' [Great Danger]. *Slavyanskie izvestiya*. 1st January. pp. 12–13.

21. Rittikh, A.F. (1898) *Vostochnyy vopros (politiko-etnograficheskiy ocherk)* [The Eastern Question (A Political-Ethnographic Essay)]. St. Petersburg: Tip. V.D. Smirnova.

22. Rittikh, A.F. (1907) *Zapadnorusskaya granitsa i russkaya narodnost'* [The West Russian Border and Russian Nationality]. *Russkaya starina*. 130. pp. 369–407.

23. Rittikh, A.F. (1906) *Zapiska po predstoyashchim voprosam (Ocherk gosudarstvennoy oborony)* [A Note on Forthcoming Issues (An Outline of National Defense)]. St. Petersburg: tip. Shtaba Otdel'n. korp. zhandarm.

24. Rittikh, A.F. (1914) Kto takie makedontsy? [Who are the Macedonians?]. *Makedonskiy golos*. 20th November. pp. 217–218.

25. Rittikh, A.F. (1864b) *Materialy dlya etnografii Tsarstva Pol'skogo. Gubernii Lyublińska i Avgustovskaya* [Materials for the Ethnography of the Kingdom of Poland. Lublin and Augustów Provinces]. St. Petersburg: [s.n.].

26. Rittikh, A.F. (1870a) *Materialy dlya etnografii Rossii. Kazanskaya guberniya. 14. Ch. 1* [Materials for the Ethnography of Russia. Kazan Province. 14. Pt. 1]. Kazan: Kazan University.

27. Rittikh, A.F. (1870b) *Materialy dlya etnografii Rossii. Kazanskaya guberniya. 14. Ch. 2* [Materials for the Ethnography of Russia. Kazan Province. 14. Pt. 2]. Kazan: Kazan University.

28. Rittikh, A.F. (1873) *Materialy dlya etnografii Rossii. Pribaltiyskiy kray. 15,*

16, 17 [Materials for the Ethnography of Russia. 15, 16, 17. Baltic Region]. St. Petersburg: Izdaniye kartograficheskogo zavedeniya A.A. Il'ina.

29. Rittikh, A.F. (1911a) *Obizhennyy kray* [The Wronged Land]. *Russkaya starina*. 147. pp. 61–87; August. pp. 303–325.

30. Rittikh, A.F. (1911b) *Obizhennyy kray (S kartoy Zap.-rus. kraya)* [The Wronged Land (With a Map of the West. Russian Region)]. St. Petersburg: Elektro-tip. N.Ya. Stoykovoy.

31. Rittikh, A.F. (1908) *Ob"edinonnoe slavyanstvo* [United Slavdom]. St. Petersburg: Tip. V.D. Smirnova.

32. Rittikh, A.F. (1882) *Pereseleniya* [Migrations]. Kharkov: Tipo-litografiya Okruzhnogo shtaba.

33. Rittikh, A.F. (1875) *Plemenoy sostav kontingentov russkoy armii i muzhskogo naseleniya Yevropeyskoy Rossii* [The Tribal Composition of the Contingents of the Russian Army and the Male Population of European Russia]. St. Petersburg: A.A. Il'in.

34. Rittikh, A.F. (1864c) *Prilozhenie k materialam dlya etnografii Tsarstva Pol'skogo. Gubernii Lyublinskaya i Avgustovskaya* [Supplement to the Materials for the Ethnography of the Kingdom of Poland. Lublin and Augustów Provinces]. St. Petersburg: [s.n.].

35. Rittikh, A.F. (1903) *Slavyanskije narechiya XX veka v Yugo-Zapadnoy Yevrope. Statisticheskie tablitsy i skhema rasseleniya yugo-zapadnykh slavyan* [Slavic Dialects of the 20th Century in South-Western Europe. Statistical Tables and a Scheme of the Settlement of South-Western Slavs]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya tipo-litografiya.

36. Rittikh, A.F. (1885) *Slavyanskiy mir. Istoriko-geograficheskoe i etnograficheskoe issledovanie* [The Slavic World. A Historical-Geographical and Ethnographic Study]. Warsaw: V.M. Istomin.

37. Rittikh, A.F. (2013) *Slavyanskiy mir. Istoriko-geograficheskoe i etnograficheskoe issledovanie* [The Slavic World. A Historical-Geographical and Ethnographic Study]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii.

38. Rittikh, A.F. (1913) *Staryy pogudki na novyy lad* [Old Tales in a New Way]. *Slavyanskije izvestiya*. 38–39 (31–32). 11th August. pp. 539–540.

39. Rittikh, A.F. (1895) *Chetyre lektsii po russkoy etnografii* [Four Lectures on Russian Ethnography]. St. Petersburg: Tipografiya V.V. Komarova.

40. Sossa, R.I. (2012) Rittikh Oleksandr Fedorovich. In: *Entsiklopediya istorii Ukrainy* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 9. Kyiv: Naukova dumka. pp. 223–224.

41. Anon. (1894) *Spisok generalam po starshenstvu. Sostavlenn na 1-ye maya 1894 goda* [List of Generals by Seniority. Compiled on 1 May 1894]. St. Petersburg: Voyennaya tipografiya (v zdanii Glavnogo shtaba).

42. Sulyak, S.G. (2017) A.S. Budilovich and Carpathian Rus'. *Rusin*. 2(48). pp. 166–181 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/48/12

43. Sulyak, S.G. (2025a) Vasily Kelsiev (1835–1872): Life, Works and Rusin Themes in the Works of a “Renegade and Patriot”. *Rusin*. 80. pp. 15–80 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/80/2

44. Sulyak, S.G. (2025b) Vsevolod Krestovsky (1840–1895): Life, Works and Rusin Themes in the Works of a Russian Writer and Officer. *Rusin*. 79. pp. 15–80 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/79/2

45. Sulyak, S.G. (2023) Józef Lewicki – Enlightener of Galician Rus. *Rusin*. 71. pp. 16–51 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/71/2

46. Sulyak, S.G. (2021) V.A. Frantsov and Carpathian Rus'. *Rusin*. 64. pp. 89–114 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/64/5

47. Sulyak, S.G. (2012) “Etnodemograficheskie protsessy v Bessarabii v XIX – nachale XX v. [Ethno-Demographic Processes in Bessarabia in the 19th – Early 20th Century]. *Rusin*. 1(27). pp. 6–26.

48. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (eds) (1902) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XXXIVA. St. Petersburg: Tip. Akts. Ob"shch. “Brokgauz-Yefron”. pp. 633–635.

49. Feldman, F.A. (1875) *Avstro-Vengriya. Otdel 3. Voennyi obzor vostochnykh oblastey* [Austria-Hungary. Section 3. Military Review of the Eastern Regions]. St. Petersburg: Voyennaya tipografiya (v zdanii Glavnogo shtaba).

50. Rittikh, A.F. (1875) *Etnograficheskaya karta Yevropeyskoy Rossii* [Ethnographic Map of European Russia]. St. Petersburg: Kartograficheskoye zavedeniye A.A. Il'ina.

51. Mirkovich, M.F. & Rittikh, A.F. (1874) *Etnograficheskaya karta slavyanskikh narodnostey = Karta slavyanskikh narodnostey* [Ethnographic Map of Slavic Peoples = Map of Slavic Peoples]. St. Petersburg: Otdel slavyanskogo blagotvorit. komiteta.

52. Mirkovich, M.F. & Rittikh, A.F. (1875) *Etnograficheskaya karta slavyanskikh narodnostey* [Ethnographic Map of Slavic Peoples]. 2nd ed. St. Petersburg: Otdel Slavyanskogo Blagotvoritel'nogo Komiteta.

53. *Geni. Aleksandr Fyodorovich Rittikh*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%A0%D0%B8%D1%82%D1%82%D0%B8%D1%85/600000054484283474> (Accessed: 5th September 2025).

54. Rittich, A.F. (1878) *Die Ethnographie Russland's nach A.F. Rittich. Mit zwei Karten (Ergänzungsheft No 54 zu Petermann,s “Geographischen mittheilungen”)*. Gotha: Justus Perthes. VI.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru